

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 21 (353)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359,84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Ноября 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Октябрьские лозунги.

А. Югов. Как укрепить советский рубль?

С. Шварц. Вокруг стахановского движения.

П. Гарви. Война войне.

Р. Абрамович. Сфинкс Сталин.

Заграницей: Выборные кампании (Дания, Швейцария, Англия). — О нелегальной работе германских коммунистов. — «Революционные социалисты» Германии о войне.

Фельетон: Люсьен Лора. Планизм или ревизия ревизионизмов.

По России: — Подготовка к октябрьской годовщине. — Митинги и танцы. — Вопросы внешней политики. — Равновесие неустойчивое. — Бережное отношение к Франции, настороженное к Англии, недоверчивое к Германии. — Литвинов получил одобрение. — «Нужно, чтобы о едином фронте и новом курсе заговорил Сталин». — Усиление влияния Радека.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

ОКТАБРЬСКИЕ ЛОЗУНГИ

С тех пор, как в Советской России при режиме генеральной линии окончательно замерли все проблески политической жизни, и были с корнем вырваны последние остатки даже той убогой «внутри-партийной демократии», которая в эпоху Нэпа еще как-то сохранялась, — с этого момента в русской общественно-политической жизни исчезли и те прямые показатели, по которым можно было судить о совершающихся в правящих кругах политических и социальных процессах. Нет больше дискуссий, оппозиций, течений. Бесконечная лента газетной бумаги, сматывающаяся с ротационных машин советских газет, закрывает от взоров даже самого внимательного наблюдателя процессы, происходящие в недрах народной жизни, и эволюцию самой власти. А на самой ленте мелькают в причудливой пестроте чисто-технические злободневные мелочи, — агрономические, животноводческие, транспортные и т. п., как будто нет больше в России никаких социальных и политических проблем, как будто уже наступило в России то идиллическое состояние восторжествовавшего социализма, о котором мечтал когда-то Троцкий, когда население не делится уже больше по политическим или социальным линиям, и общественные группировки совершаются лишь на базе научных или технических разногласий.

В этих условиях только по косвенным признакам, только на основании симптомов можно умозаключать о тех глубинных сдвигах, которые происходят в народных массах, и в связи с этим, о тех тенденциях, которые назревают в партии диктатуры. К числу таких

внешних симптомов, несмотря на их специфически напыщенную и сугубо-торжественную форму, относятся и так наз. «октябрьские лозунги», которые каждый год издаются ЦК ВКП к годовщине октябрьской революции.

В прошлом году передовая нашего органа («С. В.», № 21) могла установить в лозунгах 1934 г. ряд характерных изменений по сравнению с 1933 г. Но в этом году нельзя отметить никаких сколько-нибудь серьезных перемен по сравнению с 1934 г. Продолжается все тот же курс. В области внутренней политики — при их традиционной и нарочитой аполитичности и упоре на чисто-производственные задачи, продолжается ориентировка на новую социальную группу, «работников науки и техники, искусства и литературы». Этот слой, гигантски разросшийся в России в годы индустриализации и имеющий решающее значение для того «освоения новой техники», которое об'является сейчас самой жизненной проблемой всей экономической жизни страны, нуждается повидимому в каких-то новых материальных и моральных формах жизни, которых диктатура до сих пор не была в состоянии обеспечить населению. «Главное теперь — в людях». Надо «беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его». Этими и подобными изречениями, подобранными, для вящего эффекта, из произведений самого Сталина, полны лозунги 1935 г. Бережение интеллигенции, создание для нее более культурных условий жизни, минимума житейского комфорта, уверенности в за-

встрашном дне и личной неприкосновенности является, повидимому, сейчас одной из очередных задач диктатуры. И повидимому в связи с этим находятся и те «демократические реформы», для выработки которых создана знаменитая «конституционная комиссия». Но о характере и размере этих реформ октябрьские лозунги нынешнего года ничего конкретного не сообщают. Да и вообще о них лишь мимоходом, вернее намеком упоминается лишь в одном из лозунгов: «В стране Советов широко развивается пролетарская демократия. Выполним решения VII-го съезда Советов». Читателю предоставляется самому вспоминать и гадать, о каком именно решении VII съезда тут идет речь, и в какой мере оно будет выполнено. Мало помогают внесенной ясности и комментарии «Правды». В передовице, посвященной октябрьским лозунгам, Ц. О. партии пишет о «почти-всеобщем избирательном праве»... Уже много определеннее (но, к сожалению, не в духе новшества) вторая половина 47-го лозунга, явно направленная к устранению «беспочвенных иллюзий»: «Да здравствуют Советы... проводники генеральной линии партии!»

Итак, если судить по октябрьским лозунгам, то общественное мнение подготавливается к тому, что с такой помпой возвешенная «демократическая» гора VII-го съезда родит мышь. В особенности, если демократические реформы еще будут проводиться с оглядкой на лозунги № 61 и 60: «Искореним последышей буржуазии! Долой благодущие и ротозейство»... «Безжалостно раздвим двурушников и трижды презренных наймитов буржуазии из подонков бывшей зиновьевско-троцкистской своры!»

Несоответствие между задачами, объективно стоящими в настоящий момент перед диктатурой и как будто осознанными ею, и ее конкретными планами, — вот первое впечатление, которое вызывают октябрьские лозунги нынешнего года.

Это впечатление подтверждается, когда мы переходим к лозунгам международным, в частности к лозунгам, относящимся к международной пролетарской политике.

Как известно, начиная примерно с середины 1934 г. советское правительство и руководимый им Коминтерн стали, в отличие от политики прежних лет, ориентироваться на создание обще-европейского анти-фашистского блока и, в соответствии с этим, на единый фронт с европейской социалдемократией. Следуя этой новой политике, большевистский ЦК уже в 1934 году выбросил из списка все те враждебные лозунги по адресу социал-

демократии («гнать предателей рабочего класса — вождей 2-го Интернационала»), которыми пестрели списки предыдущих годов вплоть до 1933 г. Нет их и среди лозунгов 1935 г. И все вступительные лозунги обще-пролетарского характера последовательно построены на противопоставлении социалистического единства — фашизму. Фашизм объявляется главным врагом рабочего класса, виновником войн, голода, нищеты и разорения. Шлетя пролетарский привет в сем братьям по классу, борцам против фашизма, особый привет революционным пролетариям Германии, пролетариям и трудящимся Франции — «передовым бойцам против фашизма». Пролетарии и трудящиеся всех стран призываются сплотиться в единый фронт и т. д. Казалось бы — стремление создать политические и психологические предпосылки для формирования действительного единого фронта, а не для нового маневра.

Но в то же время среди лозунгов нет ни одного, который находился бы в соответствии с той практикой единого фронта, которая проводилась Коминтерном весь последний год, в особенности после VII-го Конгресса. Нет нигде указания на положительный результат единого фронта во Франции, нет нигде конкретного обращения к социалистическим партиям, не строится мостов к Социалистическому Интернационалу. Скорее наоборот: все формулировки единого фронта избраны такие, что их в случае надобности можно истолковать и по-зиновьевски — как единый фронт снизу, через головы «предателей вождей». В лозунге № 10 расширение и укрепление единого фронта уже прямо приравнивается к сплыванию под знаменами Коммунистического Интернационала! Наряду с этим — специально подчеркнутое приветствие «Коминтерну штабу мировой пролетарской революции» и «рулевому Коминтерна тов. Димитрову» (лозунг 64).

Другими словами, в международно-пролетарской части лозунгов 1935 г. нет ровным счетом ничего, что отличало бы их от лозунгов 1934 г. и отражало бы то специфически новое в тактике Коминтерна и советской власти, что, казалось бы, стало проявляться за последний год и с чем сторонники единого фронта в Европе связывали столько надежд. Тут, как и в октябрьских лозунгах вообще, все то же расхождение между поставленной задачей и готовностью ее на деле разрешить. Консерватизм цепляющегося за свою власть и традиционные методы аппарата оказывается сильнее сознания, которое как-будто бы уже доработалось до необходимости каких-то больших и глубоких перемен, вне которых нет выхода из создавшегося положения. Историческое распутие продолжается...

Как укрепить советский рубль?

Хотя советские экономисты вот уже несколько лет неустанно твердят, что советская валюта самая твердая во всем мире, однако сейчас политика укрепления советского рубля поставлена, как важнейшая очередная задача. Действительно, сейчас устойчивость червонца поставлена под большую угрозу. Было относительно легко нормировать цену червонца тогда, когда рыночный товарооборот был сведен к минимуму, когда значительная часть операций совершалась на началах карточного, почти безденежного, распределения, и когда роль денег в стране была вообще относительно невелика.

В последние недели советские финансисты, начиная с наркомфина Гринько, славословили Сталина за то, что «он гениально раскрыл новую природу со-

ветских денег»: их устойчивость, мол, определялась не размерами золотого запаса, а всем товарным фондом страны и, во-вторых, советский рубль, мол, позволил советской власти построить Днепрогезы и Сталинград.

Первое утверждение весьма неоригинально, оно давно уже общепризнано даже в буржуазной финансовой науке. Роль золотого запаса государства в определении устойчивости валюты весьма относительна и далеко нерешающая, — курсы доллара и англ. фунта, напр., были изменены в последнее время совсем не в зависимости от колебаний золотых запасов, — не меньшую роль играют ряд других факторов, определяющих функционирование хозяйственной жизни страны, в том числе, в первую очередь, динамика товарооборота.

В советской России то обстоятельство, что госу-

дарство являлось почти монопольным хозяином и производителем всех материальных благ, было очень важным фактором, определяющим относительную медленность падения стоимости червонца, фактором, несколько восполняющим быстрое исчезновение золотого запаса. Товарный фонд, принадлежащий государству, обеспечивал покупательную способность денег, выпускаемых государством. Но также верно и то, что денежная масса в СССР возросла темпом непропорционально быстрым по сравнению с ростом продукции страны, особенно той ее части, которая поступала на нужды масс, пользующихся деньгами. Достаточно указать на то, что к 1-му апреля 1935 года вся денежная масса достигла 7.880 млн. рубл., т. е. возросла по сравнению с 1928 годом, почти в 5 раз, а размеры товарной части продукции возросли, по официальным данным, всего в 3,7 раза. Кроме того, ряд общеизвестных мероприятий государства был направлен к тому, чтобы деньги не давали права на получение эквивалентной доли товара: карточки, бонусы, ордера и пр.

Конечно верно, что советская власть за труд рабочих, строивших Днепрострой и Магнитогорский расплачивалась советским рублем, но совершенно неверно было бы думать, что финансирование индустриализации было осуществлено благодаря полноте советского рубля. Осуществление планов индустриализации оказалось возможным не благодаря устойчивости рубля, а благодаря тому, что советская власть была в силах направить на цели строительства все разнообразное накопление страны: строительные материалы, металл, топливо и в первую очередь рабочую силу. Финансирование индустриализации оказалось возможно, потому что рабочий труд производителей и в городе и в деревне систематически не оплачивался (отчасти и посредством инфляции), а их потребление было сведено к полуголодному прозяванию. Словом, не надо быть фетишистом денег, следует видеть материальные факторы, стоящие за ними.

Задним числом, неохотно, и с массой оговорок, наркомфин Гринько сейчас признает, что условия, в которые было поставлено денежное обращение в СССР в годы первой пятилетки, всячески подрывало устойчивость рубля. Следует отметить, что попутно он делает еще одно интересное признание: роль денег была решающей во все периоды советского хозяйства. «...В самую трудную пору форсированной индустриализации страны... ликвидации кулачества, в пору, когда мы имели временный недостаток товаров и вынуждены были перейти к системе карточного снабжения, советский рубль полностью сохранил свою силу, выполнял свои функции в производстве и обращении товаров и оказался самой устойчивой валютой среди всеобщего валютного хаоса капиталистического мира».

Утверждение об устойчивости советского рубля звучит, как мы сказали уже ранее, довольно странно, когда вся статья Гринько посвящена выяснению путей для создания этой устойчивости. Но признание того, что роль денег была в основном непоколеблена даже в самые решительные годы генеральной линии несомненно очень знаменательно со стороны руководителя советских финансов.

Мы не раз утверждали, что инфляционный характер советской денежной политики в последние годы совсем не отражает процесса отмирания денег, а лишь говорит об искажении нормального товарного и денежного товарооборота. Создание «разных рублей», классовой карточной системы, появление в обращении всяческих суррогатов денег, вплоть до бонусов и талонов на товары — все это засоряло денежное обращение и понижало ценность рубля. Постоянный недостаток товаров и рост

цены на них еще более снижал покупательную способность рубля.

И только суровая система всеобъемлющего государственного нормирования не позволяла открыто выявить степени обесценения рубля.

Сейчас при переходе к открытой торговле, при восстановлении денежного обращения естественно очень остро встала задача укрепления рубля. Появилась потребность в равнозначимой единой денежной единице. Советская власть предприняла ряд совершенно правильных мероприятий для укрепления рубля. Установлена единая цена, устранены пережитки классовых рублей. Рядом декретов понижены на 10, 20 и 30% цены на товары первой необходимости. Одновременно принимаются меры для снижения себестоимости производства, уменьшения накладных торговых расходов и увелечения массы товаров, поступающих на рынок.

Если бы все эти меры удалось осуществить, покупательную способность рубля удалось бы поднять на началах не принуждения и систематической экспроприации потребителя, а на началах укрепления всего хозяйственного оборота.

Но в плане советской власти имеются порочные места, заранее обрекающие его на неудачу.

По примеру многих буржуазных правительств советская власть начала проводить финансовую политику дефляции в отношении всех расходов, связанных с оплатой трудящихся масс. При этом дефляция проводится в момент, когда, после отмены карточного снабжения, реальная заработная плата в отношении основных масс трудящихся особенно снизилась. Дефляция проводится в стране, в которой весь заработный фонд городского населения находится в распоряжении государства.

Сохранить современный уровень зарплаты советская власть не сможет, не вызвав острого недовольства в рабочей среде. Если же советская власть повысит зарплату, то, так как рост товаров на рынке возрастает весьма медленно, очень велика опасность снижения курса рубля.

Порочный круг может быть разорван только со стороны роста товарной продукции, рассчитанной на широкий рынок. Но здесь-то приходится не только расплачиваться за многолетнее пренебрежение к интересам потребителя, но более того, здесь-то сказывается, что советская современная дефляция весьма своеобразна: она осуществляется только в отношении зарплаты, но она не затрагивает основных и самых крупных расходов государства на нужды капитального строительства. План капиталовложения второй пятилетки, превышающий план первой пятилетки в 2,3 раза и достигающий 130 млрд. рубл., не только не снижается, но, напротив, даже перевыполняется.

Советская власть, вступив в последнее время на путь правильных реформ в области товарооборота, в отношении зарплаты и направления капитальных вложений по-прежнему держится совершенно неверной политики. Она надеется избежать инфляции путем снижения реальной зарплаты и регулирования этим путем массового потребления. Этот путь и антисоциален и, кроме всего, нерезультивен.

Единственно правильный путь — это перестройка всей политики в области производства в направлении быстрого поднятия товарного фонда и одновременное поднятие зарплаты до уровня, дающего возможность трудящимся удовлетворять их насущные нужды. Этот путь, конечно, требует социального перераспределения всего народного дохода, уменьшения размеров изъятий у крестьянства, всемерного поощрения стремлений к увеличению этих накоплений и создания стимулов к быстрому увеличению производства в сельском хозяйстве.

Наркомфин Гринько хлопочет о том, чтобы отдельным хозорганам созданы были условия, устраняющие «неуверенность в том, что их накопления будут у них оставлены». Нужно, наконец, понять, что ключ благосостояния страны у крестьянина, у которого должна быть создана уве-

ренность, что его накопления не будут у него отняты по произволу центральных или местных властей.

Этот путь ведет к хозяйственному оздоровлению всей страны, поэтому он лучший путь и к укреплению советского рубля.

А. Югов.

Вокруг стахановского движения

То, что сейчас происходит под знаменем стахановско-бусыгинского движения, является попыткой рывком поднять производительность труда в Советском Союзе на значительно более высокий уровень. Техническое оборудование советской промышленности за последние годы значительно улучшено, и таким образом созданы технические предпосылки для значительного роста производительности труда, особенно в тяжелой промышленности. Рост этот действительно происходит. Приведу несколько цифр. Уже за годы первой пятилетки (за 4 с четв. года) производительность труда по промышленности, производящей средства производства (в основном это те отрасли промышленности, которые подчинены сейчас Наркомтяжпрому), достигла 53,1%; в 1932 г. средняя месячная выработка на одного рабочего в тяжелой промышленности достигала 573 р., в августе 1935 г. уже 861 р. (в неизменных ценах), что означает повышение производительности труда за неполных три года второй пятилетки на 50,3%. В частности в каменноугольной промышленности увеличение производительности труда с 1932 г. по август 1935 г. равнялось 46,5%, в железорудной (по июль 1935 г.) 101,2 проц., в черной металлургии — 74% и т. д. Если даже допустить, что эти данные официальной статистики

(они сгруппированы в «Большевике» от 15-го октября) страдают известной гипертрофией оптимизма и нуждаются в поправках, все же факт громадного роста производительности труда за последние 6-7 лет вне сомнения. И что особенно важно, темпы повышения производительности труда за последние годы заметно нарастают: если в 1931 г. рост производительности труда по всей промышленности равнялся 8,9%, в 1934 году — 9,6% (при плане в 13,5%), то в 1935 г., при намеченном плане роста производительности труда по промышленности в целом на 11,0%, по тяжелой промышленности на 14,3%, уже за первые 9 месяцев достигнуто повышение производительности труда по тяжелой промышленности (по сравнению с соответствующими 9 месяцами прошлого года) на 16,8% («Правда» от 22-го октября), т. е. впервые рост производительности труда идет значительно впереди плановых наметок.

Достигнутый нами уровень производительности труда это, правда, далеко еще не предел. Мы и сейчас еще значительно отстаем по производительности труда от западно-европейских и северо-американских образцов. Чего нам не хватает для того, чтобы преодолеть эту отсталость? Улучшения организации производства (а над этим у нас в последние годы немало работают), повы-

Планизм или ревизия ревизионизмов

От редакции. — Тов. Люсьен Лора, известный экономист и один из виднейших сотрудников журнала «Комба Марксист», прислал нам для напечатания свою статью (на французском языке), обосновывающую, с его точки зрения, идею «рабочего плана», получившую в последние годы широкое распространение в социалистической среде. Мы с удовольствием даем статье тов. Лора место на страницах нашего журнала, считая, что она является как нельзя более подходящей основой для дискуссии по этому важному вопросу. К сожалению, размеры присланной тов. Лора, рукописи лишают нас возможности поместить ее целиком в одном номере «Соц. Вестника».

Планизм является прежде всего непосредственным порождением мирового хозяйственного кризиса и тех социальных и политических переворотов, какими было отмечено развитие его во многих странах. Он подводит своего рода баланс, представляет собою марксистскую самокритику тех взглядов и той тактики, применение которых оказалось столь плачевным для рабочих организаций в доброй половине Европы. Говоря точнее, планизм есть ревизия ревизионизмов. Мы говорим: ревизионизмов, а не ревизионизма, потому что, как мы сейчас увидим, имеется по малой мере два вида ревизионизма.

Эта ревизия, принудительно навязываемая событиями, не всегда производится вполне сознательно и последовательно, но она происходит. Пусть с колебаниями, уклонениями, а зачастую и с явными следами недостаточного преодоления старых взглядов, — но она неустранимо пробивает себе путь.

С тех пор как Эдуард Бернштейн четыре десятилетия тому назад взялся за «опровержение» марксист-

ской теории, термин «ревизионизм» так неразрывно связан в представлении большинства социалистов с «реформизмом» и «правизною», что они почти совершенно не замечают того ревизионизма другого порядка, который мало-по-малу утвердился на левом крыле рабочего движения. Правда, этот левый ревизионизм выступал не с таким треском. В то время, как большинство правых открыто заявляло о своем несогласии с основными положениями марксистской теории и, за малыми исключениями, вообще относилось враждебно ко всякому теоретизированию (основным свойством реформизма и является ведь его эмпиризм, вражда ко всякой теории), левый ревизионизм развивался под прикрытием марксистских формул и цитат из произведений Карла Маркса. Вследствие этого его было труднее уловить. Но сейчас, после нескольких десятилетий развития, нельзя уже не видеть, что слева Маркс подвергся не менее основательной ревизии, чем справа.

Общие причины такой эволюции настолько известны, что мы можем освободить себя от труда подробно излагать их. Вопреки тому, что думал Фридрих Энгельс в последнее десятилетие своей жизни, капитализму предстояло еще пройти длинный путь, прежде чем вступить окончательно в полосу упадка. С 1895 года, в течение почти двух десятилетий капитализм переживал стадию изумительного расцвета, в ходе которого рабочему классу удавалось в рамках капиталистического режима улучшать свое положение и завоевывать подчас весьма существенные реформы. Конечно, развитие монополий и усиление протекционизма, связанное отчасти с скачкой вооружений, содействовали прогрессивному повышению

шения общекультурного уровня и особенно уровня технической грамотности рабочих (и в этом отношении у нас за последние годы много сделано) и общего повышения жизненного уровня широких рабочих масс. При том нищенском уровне, который до сих пор характерен для громадной массы русских рабочих, при гигантской разнице в условиях материального быта среднего русского и среднего западно-европейского или северо-американского занятого промышленного рабочего нечего и думать о прочном достижении нами лучших западно-европейских и американских показателей производительности труда.

Руководители советской экономической и рабочей политики пытаются однако идти иным путем. Верные прочно сложившейся у нас анти-социальной традиции форсирования неравенства в рядах рабочего класса, они пытаются достичь резкого роста производительности труда путем исключительного поощрения рабочих рекордсменов и одновременного энергичного нажима на всю массу рабочих в интересах максимального усиления интенсивности труда.

Орудием этой политики становятся энергичные и талантливые молодые рабочие*), выгоняющие неслыханные рекорды. Когда Алексей Стаханов вырубил 31-го августа за 6 часов работы отбойным молотком 102 тонны угля, т. е. больше 6.000 пудов в смену или более железнодорожного вагона в час, это было беспримерным

*) Не случайность, конечно, что эти рекордсмены труда рекрутируются часто среди рабочих, в общественном отношении пассивных: «Среди бусыгинцев очень много рабочих, которые до сих пор считались середняками», пишет «За Индустриализацию» (от 15-го октября) из Горького: «Они редко выступают на собраниях, они не умеют говорить с трибуны. Многие из них были не очень активны в общественной работе».

стоимости жизни и таким образом частично аннулировали значение завоеванных реформ*). Но в целом, по крайней мере в главных странах капитализма, пролетариату удалось отстоять для себя более благоприятные условия жизни в рамках существующего режима. Неизбежным результатом было ослабление революционных настроений и примиренчество, склонное все более приспособляться к режиму, поскольку он давал людям небольшого труда возможность медленного, но верного материального под'ема.

Во избежание недоразумений, необходимо отметить, что мы не имеем в виду объяснять происхождение и существование реформистской идеологии. В этом отношении мы не могли бы прибавить ничего нового к тому, что уже писала Роза Люксембург в своей полемике против Бернштейна**). Речь идет, следовательно, не о существовании левой и правой: они всегда будут в социалистическом движении. Но для эволюции двух последних предвоенных десятилетий характерно неоспоримое преобладание правой над левой, нарушение равновесия между ними. Вместо расположения сил, при котором сравнительно незначительные правая и левая окаймляют центр, охватывающий основную массу пролетарской армии, рабочее движение являло накануне войны совершенно иную картину: чрезмерно вздувшаяся правая оставляла

*) В высшей степени показательны в этом отношении полемика между Карлом Каутским и Розой Люксембург о массовой стачке (1913 г.) и обширная дискуссия между Каутским, Отто Бауэром, Гильфердингом и Варгой по вопросу о производстве золота и стоимости жизни (1912 г.).

**) Роза Люксембург: «Реформа или революция?» См. также ее статью: «Сквозь английские очки» (полемика против Э. Давида, 1899 г.). Из более новых работ на эту тему надо особенно отметить «Метаморфозы рабочего класса» Макса Адлера.

рекордом. Но лиха беда начало. Соревнование рекордсменов только началось. Они быстро обгоняют друг друга, и к концу октября рекорд принадлежал забойщику шахты им. Калинина в Горловке, Андрею Горбатову, вырубившему за 6 часов работы отбойным молотком 405 тонн угля, т. е. более четырех железнодорожных вагонов в час. Рекордсменство быстро перекинулось и в другие отрасли промышленности. Замелькали сообщения о выполнении норм на 500-600-1.000% и выше. В шахте «Комсомолка» (в Криворожье) забойщик Макара Лаштоба вырубил 30-го октября 311 тонн руды, выполнив задание на 2.274% («Труд» от 1-го ноября)!

Если в каком-либо предприятии инженерно-технические работники высказывают сомнения относительно технической целесообразности такой работы, их обвиняют в саботаже, смещают, нередко отдают под суд, который в скорострельном порядке приговаривает их к тюремному заключению. И тем более остро реагируют власти на малейшее проявление недовольства в рабочей среде: здесь всякая оппозиция «стахановскому методу» квалифицируется, как вылазка классового врага, со всеми вытекающими отсюда очень серьезными последствиями.

Официально работа по стахановскому методу это ровная, сосредоточенная работа, далекая от бешеного и для здоровья рабочего разрушительного напряженит недоброй памяти штурмовщины. Но сам Стаханов думает, повидимому, иначе. В беседе с корреспондентом «За Индустриализацию» (от 24-го сентября) он рассказывает, как спускаясь перед своим рекордом в шахту, он с тревогой думал о жене: «ведь у нас трое детей». И тот же страх был и у его жены, которая ждала его после смены у выхода из шахты:

«Это было впервые за все годы нашей жизни. Ведь

далеко позади сжавшиеся до минимума центр и левую. Это колоссальное преобладание правой (лишь официально выявленное событиями 1914 года) может быть понято лишь как следствие империалистической экспансии и тех исключительных возможностей, которые она временно создавала для рабочего класса в рамках капиталистического режима*). Если бы такая эволюция капитализма могла быть длительной, если бы капиталистическая система могла обеспечить рабочему классу непрерывный рост благосостояния и вечный мир, то с социализмом было бы покончено. Он снова стал бы туманной и мечтательной утопией, но никакая объективная необходимость не толкала бы рабочих к перестройке хозяйства и общества на новых началах. Конечно, марксизм знал, что эта эра тучных коров может быть лишь преходящей. Но основная масса рабочих и большая часть вождей, в конце концов, стали верить, что объективные грани капиталистического производства, указанные Марксом, на деле существовали лишь в воображении основателя научного социализма. Чтобы оценить всю силу воздействия счастливой эволюции двух предвоенных десятилетий на самые солидные марксистские умы, достаточно вспомнить, что писал Карл Каутский в 1922 году, в своей книге о «Пролетарской революции и ее программе». Разбирая Эрфуртскую програм-

*) Недостаток места не позволяет нам останавливаться здесь на различных объяснениях, даваемых этому факту различными авторами, каждый из которых высказывает долю истины и в то же время чрезмерно раздувает эту долю, подобно Ленину (теория которого о рабочей аристократии, в таком виде явно несостоятельная, была подправлена Бухариным в 1922 г.) или Ф. Штернбергу. Более солидный вклад в освещение этого вопроса был сделан Отто Бауэром («Национальный вопрос»), Карлом Реннером («Марксизм, война и интернационал») и Юлиусом Дикманом («Кампф», фев. 1918 г.), хотя концепция последнего кажется нам слишком схематичной.

она, как и все женщины-шахтерки, поджидала меня всегда дома, а тут пришла, и в глазах у нее были слезы. Потом она признавалась мне, что всё-таки (?) немножко (?) боялась за меня».

А вот как другой корреспондент описывает работу Бусыгина и его бригады:

«Вся бригада обята какой-то **неистойвой трудовой яростью**. Трудно даже представить себе, что к какому-нибудь из этих людей можно подойти, чтобы отвлечь хоть на минутку. Никто не курит, никто не разговаривает. Мне приходилось бывать на многих заводах, но никогда я не видел такого упоения трудом. Вот подлинный пафос труда» («За Индустриализацию» от 15-го октября).

«Упоение» и «пафос труда» это, конечно, словесная мишура, «яростная работа» горький факт. Корреспондент неосторожно заинтересовался вопросом, как влияет такая работа на здоровье рабочего. Но когда он прямо поставил этот вопрос Бусыгину, тот ответил: «Каждый сумеет так работать, лишь умей организовать. Вот у меня салык только раз закручивается, а у других слесаря-ремонтники мучаются». Газета делает вид, точно это ответ на вопрос. Но ведь и ребенок видит, что Бусыгин здесь просто уклонился от ответа. И такой прием сам за себя говорит.

Смысл стахановской шумихи откровеннее всего выразил Замнаркомтяжпрома Пятаков. Когда на совещании, созванном НКТП 19-20-го октября и посвященном вопросам стахановского движения, один из участников совещания попытался дать точное определение понятия стахановец, Пятаков, председательствовавший на совещании, с нетерпением перебил его: «Чего мы будем заниматься определением понятия стахановец? Стахановец это тот, кто все ваши нормы

му, утверждавшую, что кризисы будут становиться «все более и более острыми и разрушительными», Каутский заключает: «Скажем сейчас же: в таком виде положение это защищено быть не может». А несколькими страницами дальше, Каутский предлагает вычеркнуть из Эрфуртской программы фразу: «Все колоссальнее становится армия излишних рабочих». Сейчас, конечно, никому не пришло бы в голову вычеркнуть эту фразу или критиковать абзац Эрфуртской программы, посвященный кризисам.

Таким образом, в течение длительного периода рабочий класс находился в положении, при котором из самих условий его нового социального существования в нем рождалось новое, «соглашательское» сознание, непрерывно вступающее в столкновение с старым, непримиримым классовым сознанием, отражавшим условия его вчерашнего и завтрашнего социального существования, но не сегодняшнего. Основная масса социалистической армии хранила лишь прах героического прошлого, но отказывалась идти за горсточкой тех, кто хотел во что бы то ни стало раздуть потухавшее пламя.

Так произошел разрыв между социалистической целью и рабочим движением, объединение которых было великой исторической заслугой Карла Маркса. В этом свете знаменитая формула Бернштейна: «цель — ничто, движение — все» получает все свое значение. Эта формула — не простая теоретическая «ошибка»; она — выражение того факта, что в капитализме 1895-1914 годов цель стала простым украшением, не имеющим непосредственного, внутреннего отношения к движению, верившему в возможность добиться освобождения более дешевой ценою.

Но разрыву между целью и движением соответствует другой разрыв: разрыв между «практиками», для

о прокидывает» («За Инд.» от 22-го октября). И в своем заключительном слове на совещании Пятаков еще резче повторил эту мысль:

«Сущность стахановского движения заключается в том, что он своими руками, на деле, не только теоретически, а и практически опроверг все так называемые технические нормы... **Технически обоснованные нормы это есть тот жупел, которым нас пугали, это тот тормаз, который нас задерживал**» («За Инд.» от 24-го октября).

Если здесь еще может быть сомнение, не идет ли у Пятакова речь лишь о «так наз. технических нормах», основанных на устаревших или ошибочных и произвольных («с потолка») данных, не соответствующих современному состоянию техники и организации производства, то «За Инд.» в своих передовицах решительно и твердо порочит технически проверенные нормы вообще: «Никакой оглядки ни на технические — пусть трижды проверенные — нормы, ни на проектные мощности!» («За Индустр.» от 10-го октября). «Отбросить жупел проектных мощностей!» («За Индустр.» от 21-го октября). — Редакция органа тяжелой промышленности вышла из состояния душевного равновесия, а Замнаркомтяжпрома в только что цитированной речи дошел до какого-то ухарства: «Мы чорта сломим и получим такой неслыханный производственный эффект, который никому еще и не снился!... Здесь нужно прямо сказать: чорт подери!» Это какое-то болезненное самоподстегивание, которое не доведет до добра.

Как и следовало ожидать, стахановское движение немедленно вызвало множество попыток пересмотра норм выработки. Были случаи, когда после пересмотра норм стахановцы начали зарабатывать меньше, чем при более низкой производительности труда и при старых нормах. После некоторых колебаний решено было поэтому за-

которых теория, временно оказавшаяся в противоречии с фактами и их практическими чаяниями, становится стеснительной, и «теоретиками», которые начинают все больше казаться простыми «доктринерами». Теория как будто потеряла всякое значение для практики. Но из того же разрыва проистекал и разрыв между рабочими массами и революцией. Ничто не иллюстрирует этого факта лучше, чем крушение надежд Розы Люксембург на стихийную революционность пролетариата, которая, как она ожидала, сметет реформистских вождей, препятствующих революционной мобилизации масс. Ничего подобного не произошло. На основе капитализма, эволюция которого в известный отрезок времени не соответствовала предсказаниям Маркса, основная масса рабочего класса не могла усвоить марксистской политики. На этот период времени реформистская политика стала необходимостью, и революционерам, желавшим сохранять верность учению Маркса, оставался лишь выбор между утопической надеждой на парализованную стихийность или не менее утопической идеей о возможности вогнать массы в революцию дубиной при помощи «профессиональных революционеров», т. е. обратным развитием в секту. Один из первородных грехов 3-го Интернационала в том и заключался, что он оказался — по крайней мере в момент своего основания — сочетанием двух доктрин — Люксембургской теории стихийности и Ленинского авторитарного централизма. Первая представляла собою будущее, лишь намеки на которое имелись в действительности, второй — по крайней мере для пролетариата Центральной и Западной Европы — окончательно погребенное прошлое. Эпоха бланкизма окончательно миновала; эпоха стихийной классовой самодеятельности лишь еле-еле намечалась.

претить сейчас пересмотр норм. 11-го октября «За Индустриализацию» опубликовала оставшийся до сих пор секретным приказ Орджоникидзе от 13-го марта, предписывающий закончить пересмотр норм выработки не позднее 1 мая 1935 г. с закреплением их на год и допускающий и даже предписывающий пересмотр норм ранее истечения годового срока «при введении новых технологических процессов, изменении режима работы, вводе нового оборудования и приспособлений, когда эти мероприятия увеличивают производительность труда». Но переход на «стахановский метод» ведь сплошь и рядом означает изменение режима работы путем освобождения рабочего от ряда вспомогательных функций, а в других случаях сопровождается иными улучшениями в организации труда и технологического процесса. Нужно ли и можно ли в этих случаях менять нормы? На этот прямо поставленный вопрос Пятаков на совещании при НКТП ответил категорическим «нет». «Если вы хотите сорвать стахановское движение, пересматривайте нормы. Нельзя пересматривать нормы» («За Индустр.» от 21-го октября). Только что опорощенные нормы становятся табу.

Что означает эта загадка, нетрудно догадаться. Нормы, как основа расчета сделанных расценок, остаются сейчас в неприкосновенности. Нормы, как мерило нормального труда, опорачиваются и на рабочих оказывается максимальное давление, чтобы заставить их значительно превышать нормы. А когда через несколько месяцев, как на это рассчитывают вдохновители этой политики, производительность труда будет таким образом взвинчена, можно будет повысить и нормы, срок «закрепления» которых истекает ведь не позже 1-го мая 1936 г.

В рабочих массах этот новый курс вызывает есте-

ственное чувство тревоги и недовольства. Недовольство это усиливается, когда поощрение стахановцев, снабжение их материалами, создание для них наиболее благоприятных условий работы происходит явно за счет рабочих не-стахановцев. Вот, напр., на ленинградской фабрике «Скорород» был даже издан приказ, предписывающий «загружать работой стахановцев даже в том случае, если это будет вызывать простои не-стахановцев». Приказ формально был, правда, отменен, но начальники цехов колеблются между практикой применения приказа и практикой увольнения не-стахановцев. Председательница фабкома, сообщая об этом в «Труде», очень встревожена тем, что все это ставит в трудное положение — стахановцев:

«В самом деле, каково моральное состояние стахановца, когда он загружен работой, а его сосед простаивает? Шура Дмитриева, стахановка детского цеха, пришла ко мне:

— Неприятно это мне, Максимова. Либо добейся работы для всех, либо добейся сокращения. Иначе перестану так работать...

Надо было сделать (и сделали!) серьезные выводы» («Труд» от 23-го октября).

Неудивительно, что отношение к стахановцам не-стахановцев, т. е. громадного большинства рабочих, сплошь и рядом очень мало дружелюбное. На том же «Скоророде»

«отсталые работницы М. и С. издевались над одной из лучших стахановок, Мартыновой. Во время работы Мартыновой к ней несколько раз подходили М. и С. и как бы сочувственно прикладывали руку к ее спине:

— А не мокрая ли у вас, мадам, рубашечка? Не устали-ли вы?»

Какая пропасть должна ощущаться между стахановкой и этими двумя, может быть, действительно отстали-

Это механическое сочетание прошлого и будущего с самого рождения 3-го Интернационала внесло в него семена разложения, фатальным завершением которого была начавшаяся с 1924 года «большевизация» его».

Но, если вспомнить, что методы авторитарного, авторитарного управления не были исключительным достоянием 3-го Интернационала и его секций, а практиковались и в так называемых реформистских организациях (достаточно напомнить о германской социалдемократии и германской федерации профсоюзов), то придется спросить себя: случайны-ли отсутствие стихийной самостоятельности масс и тот факт, что громадное большинство этих масс послушно шло то за профессиональными реформистами, то за профессиональными революционерами? Ответ навязывается сам собою: незрелость масс лишь отражала общую незрелость капитализма. Капитализм указанной выше эпохи (с 1895 года до войны) не был зрел для социалистического переворота, не развил еще всех производительных сил, которые способен был вместить, а субъективная зрелость масс не могла, очевидно, обогнать объективную зрелость обстоятельств. Нет ничего удивительного и в том, что недостаточная зрелость масс не исчезла сразу и тогда, когда с началом войны капитализм вступил в период переворотов, поставивших социализм в порядок дня.

Короче говоря, капитализм не был зрел для социалистического преобразования ни с статической, ни с динамической, ни с человеческой точки зрения. Но с 1929 года становится все более ясно, что капитализм подходит к пределу своего исторического цикла. С статической точки зрения — централизация решающих отраслей хозяйства достигла теперь такого уровня, что социализация их может быть осуществлена быстро и легко: почва для нее подготовлена монополиями и развити-

ем кредита. С точки зрения динамической — мировая экспансия капитализма наталкивается на все более непреходимые барьеры и ведет к дезорганизации мирового рынка. С точки зрения человеческой — рабочий класс силою вещей вынужден ставить себе задачей реформы совершенно иного порядка, чем те, которые в прошлом позволяли ему устраиваться более или менее комфортабельно в рамках существующего режима. И в то же время, хочет-ли он того или нет, изменение задач вынуждает его приспособлять свою политику и тактику к новым целям, выходящим отныне за рамки капитализма.

Но по мере того, как капитализм вступает в стадию предсказанных Марксом конвульсий, оба ревизионизма, правый и левый, лишаются своей материальной основы.

Вырывать реформы у упадочного капитализма становится все более трудно. Мы говорим — трудно, а не невозможно. В различных странах и в различных условиях капитал располагает еще более или менее значительным запасом частичных реформ, которые он может уступить рабочему классу, и уступит-ли он их или нет, — зависит всецело от боеспособности пролетарских организаций. Поэтому рассчитывать на одновременное и прямое и неизбежное исчезновение реформистской идеологии во всех капиталистических странах невозможно. Но общая тенденция развития подводит нас к альтернативе: капитализм без реформ или реформы без капитализма, и этой тенденции неизбежно должен будет соответствовать упадок правого ревизионизма.

Этот упадок сейчас неоспорим. Где сейчас тот пламенный энтузиазм, с которым столько социалистов, и не из последних, встречало путанные теории Генри Форда? В течение первых лет кризиса программы большинства профессиональных организаций не умели предложить

ми работницами, чтобы в устах их был возможен этот язык. Случай этот своеобразен в своей конкретности, но типичен по существу. Тут «травят» знаменитого стахановца слесаря Лихорадова (завод им. Урицкого в Смоленске, «Правда» от 31-го октября), там не подают руки еще более знаменитому стахановцу, машинисту Донецкой ж. д. Кривоносу («Правда» от 16-го октября); на заводе «Красный Штамповщик» в Ростове-на-Дону на станок стахановки кладется грязный веник с надписью «букет цветов за выполнение трех норм» («Труд» от 1-го ноября). И т. д., и т. д. Бывает и того много хуже: отмечено уже немало случаев прямого саботажа по отношению к стахановцам и их станкам, а в ряде предприятий были случаи угроз физическим насилием, избиваний стахановцев и даже убийств (см. «Правду» от 16, 22 и 29-го октября, «Труд» от 23 и 27-го октября, «За Индустр.» от 3, 15, 20 и 26-го октября).

Все это, конечно, уродливые явления. Но только безнадёжный филистер может отмахнуться от них ссылкой на происки «классового врага» и апелляцией к прокурору, закрывая глаза на социальный характер этих явлений. Там, где интересы широких масс грубо попираются и растущее в массах недовольство не находит своего организованного выражения, неизбежно создается почва, на которой наиболее отчаявшиеся и обозленные, а, может быть, и менее уравновешенные люди прибегают к самым грубым и диким формам насилия. Казенная печать пытается эксплоатировать даже и эти акты насилия, беря за общие скобки все проявления недовольства стахановской политикой и пытаясь против всех их обратить то возмущение, которое в сознательных элементах рабочего класса вызывают акты саботажа и тем более акты физического насилия над стахановцами. Но и с помощью этой хит-

---

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

рой механики никак не заставить рабочие массы уверовать в благодетельный для них характер стахановской политики.

Нет, с точки зрения интересов рабочего класса проблема повышения производительности труда решается совсем иначе. Не путем подстегивания рабочих с помощью разрушительного для здоровья и явно непосильного для огромного большинства рекордсменства, развивающегося к тому же в обстановке чудовищной дифференциации в оплате труда, когда рекордсмен иной раз в одну смену зарабатывает больше, чем средний рабочий в месяц. Не путем противопоставления таким образом рабочей верхушки массе, а на путях общего материального и культурного подъема широких рабочих масс. Правда, такое решение этой сложной проблемы противоречит традиционным методам управления и прочным навыкам мысли современной советской бюрократии. Эти навыки и эти традиции становятся сейчас значительной самостоятельной силой. Преодолеть ее сможет лишь организованная активность рабочего класса.

С. Шварц.

для рассасывания безработицы ничего, кроме повышения заработной платы (отрыжка фордизма!), сокращения рабочего дня, общественных работ и т. п. Сейчас все больше отдают себе отчет в том, что все эти требования могут иметь реальное значение лишь в рамках более обширной программы, в рамках плана социализации. Ничто не характеризует лучше перемену ориентации, происшедшую за каких-нибудь несколько лет, тот факт, что в ряде стран (достаточно назвать Францию и Бельгию) именно реформистские некогда организации взяли на себя инициативу выработки таких планов, которым «профессиональные революционеры» большевистского Интернационала противопоставляют лишь плоско реформистские требования.

Но ревизия правого ревизионизма отнюдь не означает простого возвращения к другому ревизионизму, ревизионизму старой левой. В ходе своей, вполне оправданной, борьбы против реформизма, эта левая ввела в свои концепции ряд ошибок, отнюдь не оправдываемых. В момент, когда только собственное движение масс может привести к тем великим достижениям, которые ни один профессиональный революционер и ни один профессиональный реформист не может поднести им на блюде, сектантские и авторитарные концепции большевистского нео-бланкизма совершенно неуместны. Мы входим в период, когда стихийная самодеятельность масс снова вступит в свои права, и когда вожди будут лишь исполнителями воли масс. И опять-таки и тут мы имеем дело скорее с тенденцией, чем с законченным процессом развития, но и этой тенденции довольно, чтобы под новым углом зрения подойти к вопросу об отношении между массой и выдвигаемой ею элитой.

В ходе своей борьбы против реформизма старая левая часто бывала вынуждена, так сказать, перегибать

палку. Реформизму, рассчитывавшему на накопление одной реформы за другой вплоть до незаметного превращения капиталистического общества в социалистическое, многие левые ревизионисты противопоставляли идею интегральной социализации, осуществляемой одним ударом. Они начали даже изображать эту идею специфически «марксистской», хотя марксистского в ней было не больше, чем в бернштейнианских взглядах. Такой уклон объясняется, конечно, реакцией против политики Эберта и Шейдемана, которые, под предлогом частичной и постепенной социализации, не социализировали вообще ничего. Однако, при более глубоком анализе экономики современного капитализма нетрудно увидеть, что ошибка реформизма заключается в другом. Нельзя упрекать реформистов за то, что они хотели идти последовательными этапами: поскольку не все отрасли современного хозяйства достаточно созрели для социализации, постольку и рабочий класс в целом не созрел еще для осуществления интегрального социализма, и мы не видим, кто мог бы за него и вместо него осуществить такой социализм. Нельзя безнаказанно переступать через определенные экономические необходимости и границы, и кто все же будет пытаться делать это, тот неминуемо придет к своей «кронштадтской» катастрофе. Предпочтительнее поэтому, поскольку обстоятельства то позволяют, заранее избегать бесполезных отступлений. В чем следует упрекать реформизм и от чего рабочий класс, в своих интересах, должен был бы навсегда излечиться, это — вера в бесполезность насилия, это — представление о прогрессе, осуществляющемся прямолинейно, это — иллюзия о безграничной возможности реформ в рамках капитализма.

Люсьен Лора.

(Окончание следует).

Война войне

Громоздкий аппарат санкций пущен, наконец, в ход. Лишь отчасти долгие проволочки и отсрочка объясняются новизной дела, неналаженностью аппарата, трудностью согласования воли и действий полусотни суверенных государств. Ведь применение финансово-экономических санкций затрагивает материальные интересы не только зачинщика войны, но и защитников мира.

В немалой степени эти опасные проволочки и отсрочки вызваны, однако, колебаниями в позиции Франции, политически расколотой по вопросу о санкциях на два лагеря — про-фашистский и анти-фашистский. Правительство Лавала пыталось до последней минуты уйти от выбора между двумя гарантиями Локарно, между Англией и Италией путем дипломатических поисков компромисса, который сделал бы применение санкций против Италии вообще ненужным.

На эти колебания французской дипломатии и спекулировал Муссолини. Исходным пунктом его африканской авантюры, грозящей зажечь пожар новой мировой войны, несомненно явилось самовольное вооружение гитлеровской Германии. С непонятной поспешностью санкционированное Англией, оно поколебало веру Франции в прочность системы коллективной безопасности, основанной на ковенанте, толкнуло французскую дипломатию на путь заключения военных союзов и сделало ее пленницей фашистской Италии. Январское обязательство Лавала, несомненно, развязало руки Муссолини для экспансионистских авантур в Северной Африке.

С кем и с чем, в самом деле, должен был считаться этот претенциозный подражатель римских цезарей, пытающийся отвлечь от себя растущее недовольство масс миражем новой римской империи, заселяющей чужие земли солдатами-колонидами? С Лигой Наций? Но ведь она дважды — во время японско-китайского конфликта и в связи с самовольным вооружением Германии — оказалась банкротом, причем оба раза, главным образом, по вине Англии. С системой коллективной безопасности? Но разве та же Англия сепаратным морским соглашением с Германией не сорвала «фронта Стрезы», тем самым похоронив планы Восточного Локарно, Дунайского пакта и другие элементы намечавшейся европейской системы коллективной безопасности?

Если на реакционные круги Франции падает главная ответственность за версальскую систему, породившую Гитлера, то на британских консерваторов нельзя не возложить главной ответственности за создание международной обстановки, окрылившей Муссолини. По иронии истории именно на долю Англии выпала теперь роль воскресителя Лиги Наций и утвердителя системы коллективной безопасности. Консервативное правительство, 10 лет тому назад сорвавшее «жневский протокол» — это детище первого Рабочего Правительства, — вынуждено теперь восстанавливать существенные элементы этого протокола. Но в то время, как по идее Рабочей Партии жневский протокол 1924 г. должен был явиться прологом всеобщего подконтрольного разоружения, нынешняя политика консерваторов, со-виновных в провале международной конференции по разоружению, делает защиту ковенанта и коллективной безопасности исходным пунктом и морально-политическим обоснованием усиленного вооружения Англии. Вот почему ошибаются, кстати, сторонние наблюдатели избирательной борьбы в Англии, полагая, что лейбористская критика направлена лишь против прошлых ошибок консервативного правительства, и что нет различия по существу между мирной политикой Рабочей Партии и мир-

ной политикой консервативного правительства, которую лейбористы сейчас поддерживают.

Жневский пафос английских консерваторов объясняется не только оглядкой на пацифистское в своем подавляющем большинстве общественное мнение страны и не только мотивами предвыборной конкуренции, но и изменившимся положением в Европе и во всем мире. Революция военной техники и транспорта сделала политику «ухода из Европы» и «блестящей изоляции» иллюзорной и опасной. То, что относится к метрополич, имеет значение и для Британской империи. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы увидеть, что итальянская экспансия угрожает империалистическим интересам Великобритании в Северной Африке и ставит под угрозу великий морской путь в Индию. Вот это-то совпадение консервативного пацифизма «сатурированной» страны с ее империалистическими интересами и объясняет крутой поворот британской дипломатии «лицом к Женеве» и ее несколько неожиданную принципиальность и решительность в защите «ковенанта, всего ковенанта и только ковенанта».

С этим поворотом во внешней политике Англии, подкрепленным военными приготовлениями и сосредоточением английского флота в Средиземном море, и вынужден считаться Муссолини. Диктатор из низов сделал ту же роковую ошибку, что и венценосный глава Германской империи в 1914 г.: оба вступили на «тропу войны», не разобрав и не учтя реальных интересов и истинных намерений Великобритании. Эти интересы повелительно диктуют Англии в данной ситуации политику Женева. Английская дипломатия не устает твердить, что она не намерена выступать самостоятельно, — хотя молниеносное сосредоточение английского флота в Средиземном море в порядке превентивной акции произведено Англией «на свой солтык». На Муссолини несомненно произвела должное впечатление именно решительность Англии «итти до конца» в деле защиты ковенанта. Вот почему Муссолини — вопреки своим прежним угрозам — из Женева не ушел. И вот почему он — вопреки своим заявлениям, что колониальная экспедиция в Абиссинии есть «внутреннее дело Италии» — от дипломатических переговоров о компромиссе не отказывается. Натолкнувшись на климатические и военно-стратегические трудности на театре военных действий и одновременно очутившись перед дружным фронтом Лиги Наций, подкрепленным финансово-экономическими санкциями и запасным аргументом от британского флота, Муссолини едва ли не раскаивается сейчас в том, что высокомерно отвергнул августовские предложения о мирной экспансии в Абиссинии и затеял всамделишную войну, грозящую поставить под вопрос самое существование фашистского режима.

**

Нарушитель мира — агрессор — официально установлен Лигой Наций. Но он еще не поставлен на колени. Война продолжается — уже в силу собственного автоматизма раз пущенной в ход военной машины. Трудность прекращения раз начатых военных действий только подчеркивает недостаточность последующих санкций — по ст. 16 и необходимость усиления системы превентивных мер — как «оперативных», в форме автоматического применения предупредительных санкций к стране, отказывающейся от арбитража и непосредственно готовящей агрессию, так и «профилактических», в виде активизации ст. 19 ковенанта, предусматривающей пересмотр договоров и тем открывающей легальную возможность рассмотрения и удовлетворения справедливых претензий страны, недовольной *status quo*. Даже руководители английской внешней политики принуждены, вслед за рабочей партией, ста-

вить вопрос о справедливом распределении источников сырья, т. е. о мирном переделе колоний под эгидой Лиги Наций.

Война продолжается, — но началась практически и коллективная борьба с войной. В этом — принципиальное значение последних решений Лиги Наций о применении санкций. Война войне из области прокламирования принципа переходит в область практики. Впервые ковенант начал действовать, как система коллективной безопасности. Лига Наций из «живого трупа» превращается в живой организм, выявляющий коллективную волю и организующий коллективное действие для прекращения войны.

Лига Наций не без колебаний вступила на новый путь. Но только на этом пути она может спастись от бесславного умирания. Нигилизм в отношении Лиги Наций был бы со стороны международного пролетариата такой же крупной ошибкой, как и женевский «кретинизм». Лига Наций есть то, что делают из нее правительства составляющих ее стран. При всем несовершенстве своей организации она может, как показывает опыт, стать реальным орудием мира.

Выполнение Лигой Наций функций международной юстиции и международной полиции предполагает, конечно, превращение ее в «сверх-государство», которому отдельные члены Лиги Наций уступили бы часть своего суверенитета. До этого еще очень далеко. Лига Наций только эмбрион над-государственной организации. Раздираемый противоречиями интересов в национальном и интернациональном масштабе, капиталистический мир ставит огромные трудности делу преодоления национально-государственной ограниченности и исключительности. Превращение Лиги Наций в подлинный Союз Народов предполагает прежде всего решительную победу демократии в государствах, образующих Лигу Наций. Неслучайно из двух «ведущих» фашистских стран одна ушла из Лиги Наций, а другая вступила с ней в конфликт. Возрождение и развитие Лиги Наций упирается в борьбу с фашизмом.

Последние решения Лиги Наций о применении санкций могут приобрести всемирно-историческое значение, как первый этап на пути действительной организации мира на началах коллективной безопасности. В Африке решается сейчас судьба Европы и всего мира и Лига Наций создает решающий прецедент. Если ей удастся довести дело до конца и добиться прекращения войны, если аппарат санкций будет действовать без перебоев, если достигнутое при установлении агрессора и при провозглашении санкций редкое единодушие сохранится и впредь, можно ожидать, что другие страны, готовящие вооруженную экспансию за счет своих слабых соседей, поостерегутся пускаться в авантюры.

Действительность экономических санкций определяется в немалой степени не только лояльностью членов Лиги, но и позицией стран, в Лиге Наций не участвующих. Уже самый список запрещенных Лигой Наций к ввозу в Италию продуктов содержит опасные пробелы, объясняемые неясностью намерений этих стран: нефть, уголь, железо. Поддержат ли Соед. Штаты Женеву против нарушителя пакта Келлога или, под предлогом невмешательства в «европейскую склоку», они используют благоприятную конъюнктуру для усиления своего экспорта в Италию? Это покажет ближайшее будущее.

Зато прямую тревогу вызывает поведение двух других великих держав, вышедших из Лиги Наций, — Германии и Японии. Их выжидательная «стойка» в первой стадии итало-абиссинского конфликта была более, чем подозрительна. И в самом деле: Япония под шумок спешит уже возобновить свою захватническую деятельность на Дальнем Востоке, явно спекулируя на «зая-

тость» европейских стран итало-абиссинским конфликтом, а в то же время начинает подавать признаки жизни и притаившаяся, было, германская дипломатия, стремящаяся использовать затруднения Франции для шантажа с целью срыва франко-советского союза и развязывания себе рук в восточной Европе. Отношение Японии и Германии к итало-абиссинскому конфликту определяется, таким образом, единственно расчетами на использование последствий этого конфликта для реализации своих собственных завоевательных планов, объектом которых в обоих случаях является и Советская Россия.

Тем непонятнее, кстати, поведение советской дипломатии в итало-абиссинском конфликте, полное отсутствие инициативы, пассивное и достаточно нерешительное следование за «ведущими» странами, Англией и Францией, внесение чисто-торговых оговорок (в вопросе о компенсациях за убытки при применении санкций) и т. п. Бескрылое делячество Литвинова и Потемкина в Женеве только подчеркивает исчезновение подлинного революционного пафоса в защите угнетенных колониальных народов против завоевательной политики империалистов. Увы, даже ценой внешнеполитического «термидора» отнюдь не достигнута заветная цель возведения Советского Союза в ранг великих держав. Во всех перипетиях итало-абиссинского конфликта Советский Союз играл роль второстепенной державы — и это несмотря на все реквизиты великодержавности: огромную территорию, 170-миллионное население, «прочную власть», могущественную Красную Армию, неисчислимые естественные ресурсы, высококачественный военно-промышленный «потенциал».

Система санкций пушена в ход. Но дипломатические поиски компромисса продолжают. Этот параллелизм методов объясняется не столько конструкцией, сколько слабостью Лиги Наций. Он таит в себе опасность сделки за спиной Лиги Наций и за счет интересов подвергшейся нападению стороны. Особое положение великих держав в Лиге Наций благоприятствует комбинированию методов открытой и тайной, коллективной и групповой дипломатии — нередко в ущерб престижу Лиги Наций и интересам дела. В данном случае Франция, играющая роль «честного маклера», неустанно толкала на путь дипломатических поисков компромисса, в то время как Англия настаивала на решении вопроса в рамках и методами Женевы.

Скорейшее прекращение итало-абиссинской войны, грозящей разрастись в европейскую свалку, есть сама по себе столь настоятельная задача, что решение ее даже методами тайной дипломатии можно было бы признать благом. Но в том то и дело, что в этих тайных переговорах, как показывают все «планы» улажения конфликта, проникшие в печать, слишком мало учитываются интересы Абиссинии и слишком сильно выпирают домогательства не только агрессора, но и великих держав, участвующих в переговорах в качестве посредников. Достаточно указать на то, какая борьба разгорелась во время тайных поисков компромисса вокруг вопроса о том, каким выходом к морю компенсировать территориальные уступки негуса Италии: через итальянский или через английский порт?

Параллелизм методов воздействия на Италию может привести к конфликту между политикой Женевы и политикой англо-французской «антанты» (не без труда, кстати сказать, налаженной и весьма непрочной). Вот почему следует приветствовать предложение ван-Зее-ланда подкрепить авторитетом Лиги Наций попытки двух великих держав к компромиссному разрешению конфликта и дать этим державам, Англии и Франции, «мандат продолжать переговоры в духе пакта и под контро-

лем Женевы». Единогласное принятие предложения бельгийского делегата означает новый шаг на пути укрепления Лиги Наций и постепенного преодоления опасного дуализма методов открытой и тайной, коллективной и групповой дипломатии. Можно лишь пожалеть, что никто — даже советский делегат — не внес дополнительного предложения о присоединении к Англии и Франции хотя бы той же Бельгии, как представительницы мелких держав, кровно заинтересованных в том, чтобы переговоры о компромиссе продолжались и закончились действительно «в духе пакта и под контролем Женевы».

В этом заинтересован и международный пролетариат. Ослабленный расколом, экономическим кризисом и разгромом демократии в ряде стран, международный пролетариат заметно стал терять свое влияние, как фактор мировой политики. Но в борьбе за предотвращение итадо-абиссинской войны и за обуздание агрессора международный пролетариат в какой-то мере вновь вернул утраченное влияние. Нельзя отрицать, что активная позиция РСИ и Амстердама, а в особенности английских тред-юнионов и Рабочей Партии в вопросе о санкциях оказала свое действие. Начавшаяся с таким успехом мобилизация международной пролетарской общественности должна продолжаться и на новом этапе борьбы за восстановление мира. Действительное применение санкций невозможно без самого активного содействия и бдительного контроля международных и национальных профессиональных организаций. Это содействие было торжественно обещано конференцией обоих интернационалов в Женеве. Обещание должно быть исполнено с тем же энтузиазмом, с которым в 1920 году рабочие организации воспрепятствовали снабжению польских интервентов оружием и военным сырьем.

От действительности финансово-экономических санкций зависит многое, но не все. Необходима одновременно широкая мобилизация общественного мнения пролетариата и всей демократии, чтобы Лига Наций не сворачивала с пути борьбы с агрессором, чтобы переговоры о скорейшей ликвидации войны путем компромисса действительно велись в «духе пакта и под контролем Женевы» и чтобы достигнутый компромисс не оказался премией за вооруженное нападение на беззащитное мелкое государство.

Война войне — должна оставаться в порядке дня международного пролетариата.

П. Гарви.

Сфинкс Сталин

(Новая книга о Сталине).

Многочисленная литература о Сталине обогатилась книгой тов. Б. Суварина*) «*Staline. Aperçu historique du Bolchévisme*». В Западной Европе, вернее во всем внешнем мире, имя Сталина услышали впервые в связи с падением и изгнанием Троцкого. Знаменитым оно стало лишь со времени генеральной линии и коллективизации. Нашумевшие в первые годы большевистской революции имена Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Радека, Бухарина к тому времени потеряли свой былой блеск и былое обаяние. Но именно с этими именами была связана большевистская легенда, перед ними преклонялись коммунистически настроенные пролетарии, ими напуганные призраком ми-

ровой революции буржуа страшали своих детей. Но среди этих имен никогда не было имени Сталина. О нем впервые мир услышал, когда большевизм уже сложился, стабилизировался в прочное правительство, когда героический период большевистской революции казался уже позади.

Тем разительнее показался европейцам сказочный подвиг этого человека, его превращение в действительного и единственного диктатора гигантского государства, в объект «творимой легенды», превращающей «любимого и родного вождя» в гениального провидца, в обаянного мистическим обожанием полубога.

В нашу эпоху диктатур и возрождения культа личности, общественное мнение приучается видеть во всевластных диктаторах каких-то сверхчеловеков. Культ Муссолини в Италии, культ «фюрера» в Германии, поддерживаемый гигантским аппаратом министерства пропаганды Геббельса, получил параллель в культе Сталина, планомерно развиваемого и организуемого не менее могущественным аппаратом ВКП (б).

Кто этот загадочный человек? Откуда он взялся, как пришел к власти?

В увесистой книге Суварина на протяжении свыше 500 страниц собран огромный материал, извлеченный из давно-забытых или неизвестных широкой публике изданий, воспоминаний и архивных документов. (Один перечень использованного автором материала занимает почти 25 страниц убористого шрифта). Но от этого книга не становится скучным и серым сборищем архивных материалов. Скорее наоборот: живо и местами блестяще написанные страницы чрезвычайно выигрывают в своей наглядности и выпуклости от вплетенных в повествование выдержек, диалогов, цитат из подлинных документов. Автор ставит себе поистине нелегкую задачу: он хочет дать не только критическую биографию Сталина и характеристику его, как человека, революционера, политика и теоретика, но и исторический очерк большевизма в России на фоне истории русской революции вообще. Нужно признать, что из этих трех задач ему лучше всего удалось последние две. Широкой кистью, с большой изобразительностью и без обычной для иностранцев «клюквы» Суварин набрасывает картину развития социалдемократического рабочего движения, возникновения большевистской идеологии, историю внутренней борьбы в русском марксизме, ход революции 1917 г., приведшей к победе большевиков, историю гражданской войны и всех фазисов в развитии большевистской диктатуры. Впервые европейские (да и многие русские) читатели получают в доступной для них форме связанное и подробное представление о внутренних процессах, происходивших за все эти годы в большевистском «монолите»: история внутренних отношений, «кухня» фракционной борьбы в ВКП(б), описание методов, при помощи которых «аппарат» обеспечивал себе господство в Партии, а «гениальный секретарь» — в аппарате, даны в книге Суварина с большой наглядностью и яркостью. Чего стоят в этом отношении, напр., стр. 444-457 книги Суварина с описанием злоключений знаменитой оппозиции 1928 г. (составлено на основании записок Каменева, изданных в России троцкистами).

Расправившись при помощи «правых» — Бухарина, Сокольников, Калинина, Ворошилова, Рыкова, Томского с «объединенной оппозицией» Троцкого - Зиновьева-Каменева, Сталин очень скоро зажал в угол и «правых». Калинин и Ворошилов, которых Сталин, по словам Бухарина, «держит на какой-то особой цепочке», первые изменили и предали своих друзей. Другие инертны и не понимают серьезности положения. Попав в трагическое положение, Бухарин через Сокольников добивается свидания с Каменевым (об этом свидании было расска-

*) Тов. Борис Суварин, франц. журналист и политический деятель, русский по происхождению, начал свою политическую карьеру коммунистом. Был редактором «Юманитэ», секретарем франц. Компартии и членом Исполкома Коминтерна.

зано в «С. В.»). Редак. Ц.О., член Политб. является на это свидание с блуждающими глазами, с дрожащими от волнения губами. Оглядываясь по сторонам, говорит, что за ним следят по пятам, что он не решается держать при себе рукописей. Никто не должен знать об этом свидании, ради аллаха не звонить по телефону, все разговоры подслушиваются. Из бессвязных речей Бухарина нельзя сразу разобрать в чем дело. «Линия Сталина гибельна для революции, она ведет революцию в пропасть»... «Наши разногласия со Сталиным гораздо серьезнее того, что нас в вами разделяет». «Сталин идет к военному коммунизму и катастрофе». Личные отношения обострены до невероятности. Он, Бухарин, уже неделями не разговаривает со Сталиным. «Это беспринципный интриган, который все подчиняет своей жажде власти. Он в любой момент может переменить свои взгляды, специально отделиться от того или иного человека». Помимо всего этого, Сталин еще снедаем честолюбием прослыть великим теоретиком. Он даже собирался самолично выступить на конгрессе Коминтерна с докладом о программе. С трудом удалось его удержать...

А между тем в стране неспокойно. Зарегистрировано до 150 частичных восстаний. Большинство же ЦК не отдает себе отчета в сложности положения. Ягода и Трилисер с нами... Андреев с нами, но его убирают с Урала. Украинцев «купили», убрав от них Кагановича. Этим самым Кагановичем Сталин хочет заменить Угланова. Одновременно с этим он подготавливает захват обеих «Правд» (московской и ленинградской) своими клеветами. Изменил и «Серго» (Орджоникидзе), на которого Бухарин одно время рассчитывал. Он приходил к Бухарину, жаловался на Сталина, просил «писать против Сталина», предлагал свою поддержку, а потом предал (Суварин на основании еще других данных высказывает предположение, что Серго тут по поручению Сталина выполнял чисто - провокаторскую роль).

Что делать, что делать? — растерянно повторял Бухарин, Сталин нас задушит. Он не знает ничего кроме мести: кинжал в спину! Помнишь его «месть сладка»? (В разговоре с Дзержинским и Каменевым Сталин в 1923 г. как-то сказал: «Нет ничего слаще мести. Выбрать жертву, тщательно подготовить удар, утолить полностью чувство мести и потом пойти спать»...).

А вот последние столкновения. Бухарин потребовал коллективного обсуждения проекта резолюции для пленума ЦК. Сталин отказался. Потом, после резких споров стал отшучиваться и лстить. «Бухарчик, ты можешь вывести из терпения слона»... «Подумай, ведь мы с тобой — как Гималаи, а остальные — нули».

А на заседании Политбюро, где Бухарин не преминул рассказать о «Гималаях», — дикие сцены. Сталин грубо разорался: «Ты лжешь, ты все это нарочно выдумал, чтобы восстановить против меня членов Политбюро». Голосование дает как всегда единогласие...

Атмосфера сгущается. Коррупция, аморализм, презрение всех принципов товарищества, потеря всякого уважения к личности, полное исчезновение чувства собственного достоинства — вот моральная обстановка внутри наивысшего органа социалистической революции, на самой верхушке диктаторской пирамиды.

Проходит еще несколько месяцев. Бухарин пишет свои «Заметки экономиста», в которых предостерегает против форсированной индустриализации. Сталин «со всей откровенностью» заявляет: «В Политбюро нет ни правых ни левых»... Но одновременно с этим Сталин исподволь подготавливает и проводит «оргвыводы»: устраняет Рютина, смещает Угланова и др. Правые струсили. Их лидеры изобрели оригинальный метод самозащиты, иронизирует Суварин: по заказу ЦК, т. е. Сталина, они пишут тезисы, прямо противоположные тому, что они на деле отстаивают. Но это их ни от чего не спасает.

Злополучный автор «Азбуки Коммунизма» проводит отпуск на Кавказе. Тут он узнает о колеблющемся поведении Угланова, о фактическом устранении Рыкова, и решает прервать свой отпуск, чтоб успеть на очередное заседание Политбюро. Времени остается очень мало, и Бухарин берет аэроплан. Но уже в Ростове местные власти всячески убеждают Бухарина не лететь дальше, — в интересах его здоровья. «Я их посылаю к черту и лечу дальше. В Артемовске не успеваю выйти из кабины, как мне передают запечатанный пакет от Политбюро: категорический приказ прекратить полет в виду моей сердечной болезни. Не успеваю опомниться, как агенты ГПУ уводят куда-то моего пилота, и передо мной делегация от рабочих с настоятельной просьбой прочесть им доклад. Справляюсь, когда уходит ближайший поезд, оказывается не раньше, чем послезавтра. Ничего не остается как согласиться на доклад»...

Добравшись после этой трагикомической Одиссеи до Москвы, Бухарин и его единомышленники формулируют ряд требований. Сталин делает вид, что принимает их. Назначается по его предложению комиссия для проведения этих мер, но он эту комиссию не собирает. Правые (это происходит во время Пленума ЦК) посылают ему записку с ультиматумом: если он немедленно не соберет комиссии, они подадут в отставку. Прочитав записку, Сталин, — по рассказу Рыкова, — бледнеет, руки его дрожат, он отвечает, что согласен. Но это была, конечно, только военная хитрость. Мы знаем теперь, чем вся эта борьба кончилась...

Суварин в ярких красках и с большой детальностью изображает ту «человеческую комедию», которая разыгрывалась за кулисами Политбюро и ЦК, хитрость и интригантство Сталина, слабохарактерность, трусость и нерешительность его противников, все те мелкие интриги, которые плелись со всех сторон. Но он ни в какой мере этим не ограничивается, наоборот: он с успехом пытается вскрыть и те более глубокие причины экономического, политического и психологического порядка, которые привели к победе Сталина и его линии.

К числу психологических фактов, в необычайной степени ослаблявших и даже парализовавших энергию Троцкого и др. противников Сталина, Суварин, помимо всего прочего, справедливо относит их боязнь «Термидора», их опасения за судьбы революции в случае междоусобной борьбы внутри самой диктатуры. Как мне самому уже пришлось однажды формулировать в статье в «Гезельшафт» — Троцкий и его друзья слишком хорошо знали историю Французской Революции. Никто из них не хотел взять на себя историческую ответственность за падение «Робеспьера» и все то, что за этим обычно следует. Но слабость оппозиции была силой Сталина, который перед такого рода соображениями не останавливался. Он Термидора не боялся и, — как указывает Суварин, — почти открыто готовился к гражданской войне в случае вооруженного сопротивления оппозиции.

Тут мы подходим к центральной проблеме и к наиболее слабой части всей книги Суварина: читатель ожидает от него не только исторического изложения событий, но и разрешения исторической загадки: как объяснить, что человек средних интеллектуальных дарований, без выдающегося ума и образования, без крупного ораторского или писательского таланта мог добратья до таких «Гималаев» власти? Почему именно Сталин, а не кто-либо из его несравненно более талантливых, образованных и блестящих противников оказался объектом того исторического автоматизма, который и на высшую вершину диктаторской пирамиды ставит одного человека?

Показав самый процесс этого автоматизма, Суварин

не дает однако исчерпывающего ответа на указанный вопрос.

Конечно, в аппарате господства, в котором вся полнота неограниченной власти все больше концентрируется в руках партийной бюрократии, естественно, что фактическим носителем власти становится глава бюрократической машины, т. е. генеральный секретарь. Но этот автоматизм не действует механически и самотеком. Не каждый член ЦК может стать несменяемым генсеком, и не каждый генсек мог бы стать Сталиным. Суварин дает много отдельных элементов для характеристики личности Сталина: его упорство, хитрость, коварство, мстительность, выдержку, его жажду власти и честолюбие, его абсолютный аморализм и т. д. Нет сомнения, что все эти «качества» абсолютно необходимы для человека, претендующего на роль диктатора. Но достаточно ли было одного этого, чтобы стать «самодержцем всея Советов»? Ведь и Борис Годунов состоял не только из коварства и властолюбия? Вот на что Суварин не смог дать ответа. Мы согласны, что эта задача не из легких. Может быть она вообще неразрешима в пределах политической публицистики.

Но все же прав, сдается нам, Бауэр, когда, в своей статье о книге Суварина в «Кампфе», указывает еще на один чрезвычайно важный элемент: та историческая задача, которая стояла объективно перед большевистской диктатурой, — поскольку она не хотела вступить на путь уступок и «спуска на тормозах», — задача изнасилования народной экономики, кровавая задача насильственной экспроприации десятков миллионов крестьян, связанная с неслыханным массовым террором, голодом, лишениями и страданиями для миллионов, требовала для своего осуществления, чтобы во главе аппарата власти оказалась непреклонная, негибкая, ни перед чем не останавливающаяся, не контролируемая никакими моральными или интеллектуальными сдержками воля. Такая воля оказалась у Сталина и только у него. Планетарная ограниченность и тупость, как думают одни, сверхчеловеческий энтузиазм Великого Инквизитора, как думают другие (не говоря о тех, самых многочисленных, которые вообще не видят тут никакой проблемы)? Вот вопрос для психолога. Для историка важен самый факт. Ни один из других известных нам вождей большевизма не мог бы взять на себя этой задачи (Другой вопрос, была ли вообще эта задача правильно поставлена.). У одних для этого было слишком много ума и сердца, у других слишком много марксистского сознания, у третьих, необремененных умом и моралью, слишком мало выдержки и характера. Математической точкой приложения генлинии мог при этих условиях оказаться только один Сталин. И может быть именно это смутное ощущение, а не простая рабская бесхарактерность, как полагает Суварин, заставила многих большевиков, как Пятакова, думать, что есть Сталин единственный человек, которому еще «стоит повиноваться». Другие еще хуже.

В общем, несмотря на недостаточную полноту в этом пункте, книга Суварина будет чрезвычайно полезна европейскому читателю. Не только как исторический источник большой достоверности и полноты, но и как пособие для понимания и критической оценки советской действительности.

Р. Абрамович.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ВЫБОРНЫЕ КОМПАНИИ.

Истекшие две недели ознаменовались выборами, имеющими, несомненно, показательное значение: парламентскими выборами в Дании и Швейцарии и муниципальными в Англии.

Выборы в Дании закончились блестящей победой социал-

демократии. В прошлом номере указывалось, какой смысл вкладывало в эти выборы правительство Стаунинга, досрочно распустившее фолькетинг (нижнюю палату): речь шла о том, чтобы сломить то сопротивление, которое оказывали планам правительства оппозиционные партии — консерваторы и, особенно, крупно-крестьянская партия Венстре — находившиеся в меньшинстве в нижней палате, но располагающие большинством в верхней (ландстинге), избираемой на основе устаревшего и реакционного избирательного права и лишь наполовину возобновляемой каждые 4 года. Цель эта достигнута: консерваторы потеряли из 27 депутатских мест одно, а Венстре — целых 10 из 38, причем лишь половина этой потери пошла на пользу новой, радикальной, но, по существу, полуфашистской крестьянской Л.-С. партии («Свободная народная партия»), остальные 5 мандатов, потерянных Венстре, как и мандат, потерянный консерваторами, перешли в руки социалдемократов. В распущенном фолькетинге правительство располагало 76 мандатами (62 с.-д. и 14 радикалов) против 72 мандатов оппозиции; во вновь избранном оно будет располагать 82 мандатами (68 с.-д. и 14 радикалов) против 66.

Весьма поучительно сравнение нынешних выборов с выборами 1932 года:

Партии	Голоса		Мандаты	
	1932 г.	1935 г.	1932 г.	1935 г.
Коммунисты	17.172	27.141	2	2
Нац.-социалисты	756	16.217	0	0
Союз правых	41.215	41.178	4	4
Своб. нар. пар. (Л.-С.)	—	52.736	0	5
Консерваторы	289.525	293.358	27	26
Венстре	381.760	292.273	38	28
Радикалы	145.206	151.527	14	14
Социалдемократы	660.782	759.071	62	68
Шлезвиг. п. (немцы)	9.867	12.618	1	1

Таким образом социалдемократия выиграла около 100.000 голосов, причем прирост наблюдается и в городах, и в деревне. В столице Копенгагене, где за социалдемократию и на прошлых выборах было подано 2/3 всех голосов, число ее избирателей поднялось с 217.163 до 250.087. Следующая таблица иллюстрирует непрерывный рост голосов, подаваемых за социалдемократию на выборах:

1920:	380.653 голоса	32,0%
1924:	469.949 «	36,6%
1926:	497.106 «	37,2%
1929:	593.191 «	41,8%
1932:	660.839 «	42,7%
1935:	759.069 «	46,1%

Таким образом, 7-летнее возглавление правительственной коалиции не только не подорвало влияния социалдемократии на массы, но несколько не задержало роста этого влияния. Это доказывает, что, в социально-экономических условиях такой страны, как Дания, реформаторская политика правительства Стаунинга, опирающегося, прежде всего, на рабоче-мелкокрестьянский блок, имеет еще почву под ногами, — чем и объясняется упорный «реформизм» датской социалдемократии.

Правда, полу-фашистской Л.-С. партии удалось завоевать кое-какие позиции в крестьянстве и получить 5 депутатских мест. Но успехи новой партии остаются далеко позади тех надежд, которые она возлагала на выборы, и не дают ей в парламенте никакого влияния. Коммунисты повысили число своих избирателей на 10.000. Но и их надежды на возможность отвоевать у социалдемократов 2 мандата, лишит таким образом правительственную коалицию большинства и стать самим вершителями ее судеб, не осуществилась: их удельный вес и в рабочем движении Дании, и в обще-политической жизни ее, и в парламенте остается ничтожным.

Усиление правительственной коалиции в фолькетинге, разумеется, еще не решает непосредственно вопроса об оппозиции, чинимой ей в ландстинге, но оно во всяком случае позволит правительству Стаунинга принимать более решительные меры против систематического саботажа намечаемых им реформ верхней палатой.

Менее определенны итоги выборов в нижнюю (Национальный Совет) и верхнюю (Совет Сословий) палаты, происходившие в Швейцарии.

Отличительной чертой этих выборов надо признать совершенно необычные для традиционно-устойчивых швейцарских избирателей значительные сдвиги в соотношении политических сил по отдельным кантонам. Эти сдвиги свидетельствуют о глубоком идейно-политическом брожении, вызванном кризисом в народных массах и еще далеко не устоявшимся. Характерным симптомом этого брожения является, между прочим, неожиданный успех, выпавший на долю новой группы так наз. «Независимых», инициатором которой стал крупный цюрихский торговец и предприниматель Дуттвейлер.

Дуттвейлер заявляет себя демократом, противником политики дефляции и т. п. Но выдвинутый им список политической программы, в сущности, не имеет. Его программа исчерпывается экономическими мероприятиями, главным образом — пропагандой новой организации торговли, основанной на приближении товара к покупателю (торговля в развоз), на устранении мелких посредников, массовом обороте, позволяющем снизить до минимума процент торговой прибыли. Сам Дуттвейлер приступил уже к широкому практическому осуществлению своих планов и, поскольку он сейчас-же встретил противодействие со стороны торговцев и предпринимателей, приступил и к организации целого ряда предприятий по производству наиболее ходких и стандартных товаров. Его списки впервые фигурировали на выборах, и им сразу-же удалось отвоевать 5 мест в Цюрихе и по одному в С.-Галлене и Берне. Эти успехи новый список одержал главным образом за счет партий большинства: свободомыслящих, выигравших два новых мандата, но потерявших 6 старых и утративших таким образом, со своими нынешними 48 мандатами, положение сильнейшей фракции нижней палаты; католиков-консерваторов, выигравших 1 мандат, но потерявших 4 и имеющих сейчас 41 депутата; и, наконец, крупно-крестьянской партии, потерявшей 7 мандатов из 29 и отдавшей 4 из утраченных мандатов новой «молодо-крестьянской» группе, впервые вступившей в Национальный Совет.

Но и у социалдемократии «независимые» отняли 2 мандата в Цюрихе и 1 в С.-Галлене. Другие 2 мандата (в Женеве и Граубюндене) она потеряла вследствие объединения всех противоставленных ей буржуазных списков. Но все эти потери были уравновешены выигрышем мандатов в обоих базельских кантонах (городском и сельском), в Берне, Тургау и Валлисе, где ей впервые удалось провести своего кандидата. Таким образом, сохранив свои 50 мандатов в Национальном Совете, швейцарская социалдемократия стала самой сильной фракцией швейцарского парламента, как самой сильной швейцарской партией оказывается она и по числу поданных за нее голосов — 254.000 (увеличение, по сравнению с прошлыми выборами на 6.000). Новые позиции завоевала социалдемократия и в Совете Сословий, куда войдет, наряду с ранее заседавшим там т. Клати (Цюрих) и т. Венк (Базель-город), а, может быть, в результате предстоящей перебаллотировки в Сельском Базеле, и третий товарищ.

В Базеле успехам социалдемократии содействовала новая тактика коммунистов, пригласивших своих сторонников голосовать в известных случаях за социалдемократов. Сами коммунисты сохранили свои два мандата в Национальном Совете (Цюрих и Базель-город). Фашистское движение повсеместно обнаружило значительное падение поданных за него голосов и всего собрало их менее 14.000. Ему удалось получить лишь 2 мандата — в Цюрихе и Женеве.

На муниципальных выборах в Англии, происходивших 1-го ноября, Рабочая Партия, как известно, понесла в разных пунктах потери, и ее противники пытаются истолковать эти потери, как предвестник ее грядущего поражения на парламентских выборах, предстоящих 14 ноября, — без достаточного, впрочем, основания: ибо и избирательное право в муниципалитеты отличается от парламентского избирательного права, и подход избирателей другой, и, наконец, самая система английских выборов, не знающих перебаллотировки, открывает широкий простор всяким случайностям.

За исключением Лондона, обновляющего каждые три года состав своего муниципалитета целиком, в других английских муниципалитетах обновляется ежегодно лишь треть их состава. В Лондоне на ноябрьских выборах 1934 года Рабочая Партия завоевала большинство в 15 округах из 29. В марте ей удалось завоевать большинство и в совете Лондонского графства. Что-же касается провинциальных муниципалитетов Англии и Уэльса, то, после рекордного завоевания 219 мандатов в 1929 году, она потеряла 73 в 1930 и 238 в 1931. Но уже в 1932 году ей удалось выиграть 22 мандата, в 1933 — 236 мандатов и в 1934 — 308 мандатов. Выигранные за эти три года 566 мандатов с избытком покрыли потерю 311 мандатов в 1929-1930 гг., и к нынешним выборам партия имела большинство в 39 провинциальных муниципалитетах. На выборах 1 ноября партия потеряла, в общей сложности, лишь 8 мандатов, а вместе с ними — большинство в муниципалитетах Лидса, Олдхэма, Уоллсенда и Бирмингама. Но зато ей удалось завоевать большинство в ряде новых муниципалитетов, и теперь она располагает таким большинством уже не в 39 муниципалитетах, а в 44. Таким образом, сообщения буржуазной печати, трубившей по первым сообщениям о ходе выборов, о «разгроме» Рабочей Партии, следует признать, по малой мере, «несколько преувеличенными».

По последним сообщениям муниципальные выборы в Шотландии принесли Рабочей Партии значительный прирост и голосов, и мандатов.

О НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАБОТЕ ГЕРМАНСКИХ КОММУНИСТОВ.

От редакции. — Ориентироваться со стороны в условиях нелегальной работы в современной Германии трудно даже для русских социалдемократов, имеющих громадный опыт такой работы, ибо условия «тотальной» фашистской диктатуры совершенно отличны не только от условий расшатанного царизма последних десятилетий его существования, но — в виду совершенно иной социально-экономической базы германского национал-социализма — и от условий не менее «тотальной» диктатуры большевизма. Мы поэтому с особым удовольствием печатаем присланную нам из Германии одним из активных участников нелегальной работы наших немецких товарищей статью, которая, давая критику тактических установок германских коммунистов, приподымает в то же время краешек завесы над тем германским полем, в котором героические борцы за рабочее дело закладывают первые камни в фундамент возрождения классового пролетарского движения в Германии и будущей германской революции.

«Новая линия» 7-го конгресса Коминтерна и многими социалдемократами была воспринята, как поворот к реализму, как разрыв с старыми иллюзиями, как возможная основа для сотрудничества и в условиях нелегальности. В нижеследующих строках дается критическое освещение этой линии не под углом зрения ее общих перспектив, а с точки зрения делаемых из нее практических выводов. Для освещения этих выводов имеется не только богатый опыт нелегальной работы в Германии, но, так сказать, и официальный документ Германской Коммунистической Партии в виде изданной в Праге брошюры: «Наша борьба, 200 примеров из нелегальной работы в Германии. Прага, 1935». Так как намеченная в этой книге линия работы вполне совпадает с тем, что нам по опыту известно о нелегальной работе КПГ, то при критике этой работы мы будем ссылаться на приводимые в книге примеры, — хотя бы затем, чтобы не подвергаться упреку в неправильном изложении почерпнутого нами в условиях нелегальности опыта. Но, не ограничиваясь критикой, мы попытаемся и в положительной форме высказать свое мнение о возможностях и формах нелегальной работы в современной Германии.

В нескольких словах «новая линия» КПГ сводится к следующему: поворот к массовой работе (это мы слышали уже не раз!) и потому — работа партии всюду, где организованы массы, «в недрах» германского Рабочего Фронта, фашистских организаций. То, что в условиях демократии было несколько комическою специальностью КПГ и, вследствие полной безуспешности, вызывало несколько ироническое отношение со стороны самих серьезных коммунистов, — «подрывная работа» в армии, государственном аппарате, организациях противников, — то теперь, в условиях фашизма, становится главным, если не единственным содержанием работы. В качестве последнего слова мудрости Москва подносит иллюзию, которую в начале 1933 года разделяли многие, но которая давно уже опровергнута действительностью!

Как же выглядит «новая линия» в действительности, каковы выводы из нее? Самой крупной и потому самой значительной фашистской массовой организацией является то, что заместило прежние профсоюзы: германский Рабочий Фронт. Но, в то время, как профсоюзы были демократически построенными и скрепленными боевою волею членов организациями рабочего класса, организациями классовой борьбы, ГРФ представляет собою централистически (т. е. на основе не выбора, а назначения должностных лиц) построенную принудительную организацию монопольного характера, в которой нет и не может быть никакой демократической организационной жизни, которая, и по всему строению своему, предназначена воплощать «национальное единство» между рабочими и предпринимателями. Соответственно этому, ГРФ не знает никаких собраний с свободой слова и дискуссии, а лишь «смотри по предприятням», на которых персонал — зачастую при предусмотрительно закрытых фабричных воротах — должен выстраиваться для заслушания распоряжений начальства. ГРФ не знает даже добровольных взносов: за последнее время взносы, подобно налогам, просто вычитаются из заработной платы. В сущности, ГРФ представляет собою плохо функционирующее принудительное, государственное страховое учреждение с колоссальным бюрократическим аппаратом. Наряду с страхованием, главное в ГРФ, это — «сила через радость», т. е. устройство посещения театров, спорта, осмотров, экскурсий, путешествий и т. п., — единственная отрасль деятельности ГРФ, вызывающая интерес и одобрение рабочих.

Никому не придет, конечно, в голову вести оппозиционную или подрывную работу в больничной кассе, страховании на случай старости или кассе для устройства развлечений и экскурсий. А между тем именно это пытаются делать КПГ, и ее борьба в рамках ГРФ отнюдь не делается осмысленнее от

того, что она при этом бросает лозунги: «демократические выборы руководства», «индивидуальная уплата взносов!», «изгнание предпринимателей из ГРФ!» («Наша борьба», стр. 94). Все это лозунги, осуществление которых не изменило бы ГРФ, а уничтожило бы его, и которые осуществимы лишь при низвержении фашизма; низвержение же это не реформировало бы ГРФ, а взорвало его. Но такая — хочется сказать «реформистская» — тактика приводит ее изобретателей к самым парадоксальным выводам. В то время, как именно наиболее передовые рабочие зачастую выражают свое равнодушие к ГРФ крайне плохим посещением устраиваемых им собраний, задержкой взносов (там, где они еще не вычитаются из заработка), иногда даже выходом из ГРФ, коммунистические стратеги пропагандируют: посещение заводских собраний (стр. 89, 97), отказ от выхода из ГРФ (стр. 92-93, 96). Высказывается даже порицание одному коммунисту за то, что, став по приказу партии кассиром ГРФ, он, по крайней мере, саботировал собрание взносов (стр. 97). Но дело в том, что приходится выбирать: или надо становиться фашистским должностным лицом, и тогда, чтобы не быть выброшенным, надо хорошо выполнять свои функции, а для того, чтобы возвышаться по служебной лестнице, даже особенно хорошо (в результате чего на деле происходит полная деморализация партии), или же надо по принципиальным соображениям отказаться от занятия фашистских должностей и заняться, в противовес фашизму, собиранием антифашистских сил, — среднего пути быть не может. Поэтому здоровый инстинкт коммунистических рабочих заставляет их протестовать против такой безумной политики, ссылаясь хотя бы на тот несомненный факт, что ведь никаких собраний в ГРФ не бывает, как же работать в нем (стр. 86, 94), но коммунистический центр отвечает на такие рассуждения лишь выговорами.

То же, что о ГРФ, приходится сказать и об органах национального единства в предприятиях, о так наз. «комитетах доверенных лиц» (не смешивать с трезними фабзавкоммами). Ежегодно в апреле предприниматель составляет список угодных ему лиц, рекомендуемых им «к выбору». Рабочие имеют право либо подать заранее напечатанный список в том виде, как он есть, либо вычеркнуть отдельных кандидатов или всех их вместе; не вычеркнутые считаются избранными (при этом в избирательных помещениях часто не бывает карандашей или же наци нарочно уносят их). Если предложенный список не получает большинства — а подсчет производится, разумеется, за закрытыми дверями — то «рабочий попечитель» (национал-социалистический чиновник) сам назначает «комитет доверенных лиц». Задача такого комитета заключается в совместной работе с предпринимателем на благо предприятия; решать он ничего не имеет права и пользуется лишь совещательным голосом. Правильной тактикой по отношению к таким выборам, которые являются вовсе не выборами, а фашистским маневром, может быть лишь их бойкотирование. Если, вследствие контроля, нельзя уклониться от участия в выборах, то единственно правильное — зачеркивать весь список.

Что же рекомендует в этом случае КПП? «Дифференцирование кандидатов в списках» (с. 16), т. е. вычеркивание явных предпринимательских лакеев и выборы «оппозиционных» элементов. Надо при этом знать, что предприниматели уговаривают часто бывших должностных лиц рабочих организаций дать свое имя в списки, чтобы добиться таким образом возможно более благоприятного исхода выборов и иметь в комитете рабочих, пользующихся уважением и персонала. Уже одних настойчивых усилий предпринимателей и национал-социалистов в этом направлении достаточно, чтобы понять, в чьих интересах выставляются такие кандидатуры прежних должностных лиц (см., напр., с. 42). Те старые профсоюзные функционеры, которые и без того имеют склонность к примирению с новой системой — «приспособленцы» (Gleichschalter), как их называют в Германии, — нередко дают себя уговорить выдвинуть свои кандидатуры. Наоборот, классово-сознательные элементы решительно отвергают такой образ действий. Так, в одном известном мне случае в одном из крупных германских городов была устроена старыми профсоюзными функционерами дискуссия по вопросу о том, следует ли принимать предложения предпринимателей о включении своих имен в списки. При этом товарищи вполне правильно охарактеризовали «выборы» — «каждый голос, поданный за комитет доверенных лиц, есть голос за Гитлера», сказал сам глава ГРФ, Лэй — и пришли к заключению, что антифашисты должны принципиально отказываться от выставления своих кандидатур. К чему приводит на практике приспособленческая тактика, показывают лучше всего необычайно благоприятные для наци результаты выборов всюду, где в списках фигурировали и бывшие рабочие функционеры (см., напр., с. 34), или случай (с. 41), когда в результате проводимой КПП тактики благодарного голосованию за бывших социалдемократических функционеров, был избран весь список, со включением наци. Коммунистические рабочие и в этом случае протестуют против бессмысленной тактики (с. 41, 91), но в ответ получают опять-

НОВАЯ БРОШЮРА

Marceau PIVERT RÉVOLUTION D'ABORD!

К дискуссии об отношении к войне

Издание «Nouveau Prométhée», цена фр. 2,50. Заказы через контору «Соц. Вестника».

таки лишь пустопорожние рассуждения и призывы к порядку. Но предела достигает КПП, сообщая о якобы победоносном прохождении большинством в 5/6 голосов списка, противопоставленного рабочими списку предпринимателя (с. 37), — случай, который, согласно изложенному выше порядку выборов, просто не мог иметь места, потому что рабочие не имеют никакой возможности составить свой собственный список и, тем более, выбрать его.

Объектом подрывной работы КПП являются однако не только фашистские «профсоюзы», но и организации милитаристского характера: штурмовые отряды, так наз. СА (в них образуются «красные СА — ячейки», с. 66-67), рабочие колонны (с. 130), воздушная оборона (с. 92, 110, 113), гитлеровская молодежь (с. 130), — опять-таки не без протестов со стороны самих членов КПП (с. 110, 113, 130). Надо знать, что именно наиболее передовые слои рабочих считают членство в такого рода организациях (не в ГРФ, в который принудительно входят почти все) чем-то, определенно позорным (с. 130), а вступление в них бывших коммунистов или социалдемократов — явным предательством, лишаящим вступивших всякого уважения. А при этом надо еще иметь в виду, что рядовым коммунистам сопротивление тем материальным и идеологическим воздействиям, которым они подвергаются в такого рода организациях, часто оказывается не под силу, и уже не раз можно было наблюдать, как рабочие, вступившие в эти организации в качестве субъективно честных антифашистов, медленно, но верно сами превращаются в фашистов.

Все это не значит, что мы отвергаем всякую форму работы в фашистских организациях. Наоборот, мы считаем абсолютно необходимым быть, как можно лучше, осведомленными о классовом враге, его политике, его мероприятиях, его внутренних дискуссиях. Для такой осведомленности важно располагать известными позициями, по возможности, на верхах фашистского аппарата, — позициями, которые могут стать чрезвычайно полезными в период кризиса фашизма. Но это не имеет ничего общего с подрывной работой. Такая работа, как ее себе представляет КПП, вообще невозможна в централистически построенных организациях: при каждой попытке в этом направлении неизбежно сам становишься жертвой и орудием высших инстанций, как то показывают многочисленные примеры, приводимые самими коммунистами в их книге.

Антифашистская организация не может быть введена в рамки фашистской, а должна, в качестве противоположного полюса, стремиться сгруппировать все антифашистские общественные силы. Она должна стремиться охватить рабочих там, где они естественно сплачиваются, — на предприятии (ГРФ — не сплочение и, того менее, организация рабочих). Упорной, длительной работой она должна строить сеть доверенных лиц и информаторов из среды самих рабочих, пользующихся действительным доверием персонала. Эти доверенные лица, как и все рабочие вообще, состоят, разумеется, членами ГРФ, но их нелегальная работа протекает не в рамках этого Фронта, а независимо от него. И точно так же, как нельзя завоевать или разложить ГРФ, точно так же нельзя вдвинуть в него и «нелегальные свободные профсоюзы» (тоже один из новых лозунгов КПП). Профсоюзы являются, по необходимости, легальными массовыми организациями с легальными функциями. В условиях нелегальности возможны лишь малочисленные, кадровые группы функционеров политической партии, и то, что называется сейчас в Германии «профсоюзами», имеет с профсоюзами демократии общего лишь название, является на деле нелегальными политическими группами.

Не «массовая работа», а создание, выучка, самоутверждение кадра функционеров из среды самих рабочих, идейное воздействие, руководство и сплочение небольших социалистических групп — такова задача нелегально борющейся социалдемократии на нынешней ступени развития движения в Германии.

«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ» ГЕРМАНИИ О ВОЙНЕ.

В своем октябрьском бюллетене (R.-S.-Briefe) группа «революционных социалистов» Германии (Ауфхэйзер, Бэхель и др.) с удовлетворением отмечает «почти полное теоретическое совпадение» ее собственной позиции в вопросах пролетарской военной политики с позицией, обоснованной тт. Бауэром, Даном и Жиромским в их меморандуме «Интернационал и война».

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Подготовка к октябрьской годовщине. — Митинги и танцы. — Вопросы внешней политики. — Равновесие неустойчивое. — Бережное отношение к Франции, настроенное к Англии, недоверчивое к Германии. — Литвинов получил одобрение. — «Нужно, чтобы о едином фронте и новом курсе заговорил Сталин». — Усиление влияния Радека.

Москва усиленно готовится к октябрьским праздникам. Улицы и площади чистятся, дома в центре основательно ремонтируются, а подальше от глаз начальства и иностранцев насней подкрашиваются или штукатурятся. Начальство предполагает в этом году устроить праздники повеселей и пошумней обычного. Так как, по осеннему времени, карнавалы шествий не устроишь, то предполагают организовать многочисленные порайонные вечера и балы в закрытых помещениях. Молодежи откровенно обещают, что «речей будет немного, главное танцы».

Парад, манифестации и митинги будут устроены, но главным образом для иностранцев, так как советским рабочим и служащим они давно уже прискучили.

Будут ли к торжествам приурочены какие-либо «реформы», говорят разное. Преобладает мнение, что никаких особых «манифестов» не будет, руководители политики лишь воспользуются пребыванием многочисленных иностранных гостей, чтобы в той или иной форме продемонстрировать «миролюбие» советской власти.

...Люди сведущие говорят, что в последнее время Политбюро было занято вопросами внешней политики. Сталин, Радек и Литвинов с большой тревогой отмечали непрочность сложившегося сейчас «равновесия». Политика Англии встречается с большой, твердо сложившейся настроенностью. Здесь убеждены, что в числе тех, за счет которых Англия устроит «новое распределение благ», будет СССР. Если у власти останутся консерваторы, то политика Англии будет в лучшем случае направлена на изоляцию Советского Союза. Поэтому, несмотря на колеблющееся доверие и к Лавалю, в руководящих советских кругах полагают необходимым самое бережное отношение к Франции, интересы которой попускают быть верными союзниками Москвы. Вообще в верхах с большой тревогой следят за развитием международных отношений. Кое-кто даже категорически уверяет, что в самое ближайшее время «конфликт итало-абиссинский осложнится новыми крупными столкновениями интересов». Определенное мои собеседники не хотели выразиться, но из намеков было ясно, что предполагаются агрессивные действия со стороны Германии. Передают, что на границах Германии сейчас создается столь напряженное положение, что несколько небольших государств, с режимом весьма далеким от принципов СССР, ориентируются определенно на дружбу и поддержку Советского Союза. В Москве очень довольны и дружелюбными отношениями, сложившимися с Чехословакией. Изоляция Германии, и быть может Польша, вот ближайший курс внешней политики СССР. Дальневосточные дела сейчас менее тревожат Политбюро. Участвующим пограничным конфликтам большого значения не придадут, так как считают, что Япония в ближайшее время изолированно выступать не будет. Политика Литвинова получила одобрение, хотя и высказывалось мнение, что он уж слишком сжился со своим фрактом министра, забывая, что он министр страны социализма и революции. Но Сталин, как и во время прошлых докладов Литвинова, полностью его одобрил, что, конечно, и решило вопрос.

...Сейчас здесь много европейских коммунистов. Мне передавали, что новая политика Коминтерна вызывает смущение. Одни считают, что она рвет со старыми традициями Коминтерна и стирает идейные грани между коммунистами и социалистами, другие, что новая политика проводится нерешительно, безинициативно.

Среди коммунистов, представляющих страны, осуществившие единство, намечилось интересное мнение. Они настаивают на том, чтобы новый курс был торжественно провозглашен Москвой, кем-либо из наиболее авторитетных вождей ВКП. Решения Коминтерна, по их мнению, не получили должной огласки, к ним не отнеслись с нужным доверием именно потому, что их провозгласил Димитров, а не Сталин. Дело не в вопросах внутренней жизни СССР, но для того, чтобы поверили в новый курс во Франции и в Германии мало миллионов экземпляров манифестов, надо одну короткую речь Сталина.

Об этом будут говорить с Димитровым и Радеком. Из этих кругов, между прочим, говорят, что советские комиссии по демократизации советского строя готовят свои реформы к маю 1936 г., к ноябрьским же праздникам никаких «реформ» не будет.

Передают, что в последнее время между Сталиным и Ворошиловым создались очень дружеские отношения и от былой вражды не осталось и следа. Большое влияние опять приоб-

рел Радек. Сталин очень ценит его советы и знание пружин европейской политики. Люди, хорошо знающие Радека, уверяют, что последний сильно остепенился, даже его, всем известная, склонность к сочным анекдотам увяла, во всяком случае радековские остроты теперь старательно обходят вельможа первого ранга. Чему не научит пример вчерашних единомышленников, не успевших своевременно отделаться от скверны оппозиции!

Радек будто-бы уверяет, что первым стахановцем по справедливости должен считаться Стеклов. Его не сумели оценить, когда он ежедневно писал самую глубокомысленную и самую длинную в мире передовицу...

...Сейчас видал одного инженера, приехавшего из района Днепрогега. Он уверяет, что сейчас там новая беда. Еще недавно не хватало потребителей, теперь Днепрогез первой очереди не в силах обслужить всю потребность новых заводов и в зимнее время часть потребителей будет посажена на нормированный отпуск энергии. Он уверяет, что Днепрогез дает энергию по весьма низкой цене, на 20% ниже сметной, и что Днепрогез должен быть отнесен к числу самых рентабельных и нужнейших построек первой пятилетки.

A.

2 ноября 1935.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Jacques Choron. La doctrine bolchéviste. Philosophie, Economie politique, Sociologie d'après les œuvres de Lénine. Paris 1935. Librairie des Sciences Politiques et Sociales, Marcel Rivière, 12 frs.

Cahiers du bolchévisme. Numéro spécial. 15 octobre 1935. Le Combat Marxiste. N° 24. Octobre 1935.

Marceau Pivert. Révolution d'abord! Editions «Nouveau Prométhée», Paris.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 28/10, 3/11, 6/11.

Отослано: № 3, 4, 5; № 46.

От редакции. — За недостатком места отлагается до след. номера ст. Б. Сапира «О 6-ом конгрессе КИМ».

Вышел в свет сентябрьско-октябрьский (двойной) номер журнала

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

В нем содержатся следующие статьи:

Wilhelm Sollmann: Sozialistische Machtpolitik der Gegenwart.

Gregor Bienstock: Die Umgruppierung der Komintern.

Richard Stichling: Nürnberger Parteitag.

Paul Sering: Analyse des Faschismus.

Salomon Schwarz: Zur Demokratie oder zur plebiszitären Diktatur?

Fritz Alsen: Stalin mit und ohne Maske.

Alexander Stein: Engels und die Gegenwart.

Bücherschau.

Подписываться можно через контору «Соц. Вестн.» или же через «Graphia», Karlsbad, Чехословакия.

Цена за двойной номер: 7 фр. франков.

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten.

Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника».